

Елена Александровна Асеева

*Бой
Святозара.
Сквозь Пекло*

Часть первая

Елена Асеева

**Бой Святозара. Сквозь
Пекло. Часть первая**

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

Бой Святозара. Сквозь Пекло. Часть первая / Е. А. Асеева —
«Издательские решения»,

Первая часть романа «Бой Святозара. Сквозь Пекло» относится к жанру славянского фэнтези и является продолжением книги «Путь Святозара». В увлекательной форме повествование расскажет о том, как повзрослевший Святозар, чтобы исполнить предначертанный пред ним путь, отправится в царство Чернобога, дабы выручить душу собственной матери из вечного заточения мира Нави.

© Асеева Е. А.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	28
Глава шестая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Бой Святозара. Сквозь Пекло

Часть первая

Елена Александровна Асеева

*И не должны мы быть мирными,
И не должны просить помощи,
Ибо она в мьшицах наших и на конце мечей,
И ими мы сечем врагов.*
«Велесова книга»

© Елена Александровна Асеева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Высоко в звездном небе, которое восуры именуют Сваргой, медленно вращается Колесо Сварога, сменяют друг друга часы, сутки, месяцы и годы. Сам Бог времени и звездной мудрости ЧислоБог считает дни и говорит свои числа Богам, определяет... быть ли дню... быть ли ночи.

Темное небо покрылось далекими и мерцающими звездами, а немного погодя землю озарила круглая серебряная луна, она выбросила вперед широкий луч, каковой упал на белые, устланные пушистым снегом деревья, кусты, дома и избы, на покрытые толстым, стеклянным льдом реки. Луч двинулся прямо туда, где около дворца, могучего и величественного, как и вся земля, кругом, возле дверей Славного коридора, стоял молодой мужчина. Серебристый луч неслышно подкрался сзади и осветил его крепкую, статную фигуру, каштановые, выющиеся волосы. Мужчина медленно повернул голову, воззрился на холодную, зимнюю луну и улыбнулся. И этот мужчина был ни кто иной, как сам наследник престола славной Восурии, Святозар, по реклу Велико-Достойный.

Святозар стоял на дворе уже давно, лишь накинув на плечи кунтыш, и смотрел на прекрасную, укрытую высокими снегами Мать Сыру Землю. Он любовался ее чистотой и неподвижностью да чувствовал необыкновенное тепло, к столь дорогой его сердцу Восурии.

Дверь, ведущая в Славный коридор, бесшумно открылась, и оттуда вышел его отец, правитель Восурии, Ярил, по реклу Щедрый.

– Сынок, вот ты где, – молвил беспокойно правитель и подошел к наследнику. – А я тебя обыскался. Ты чего тут стоишь один, да не одетый совсем, так гляди и замерзнешь. Святозар, ну ты меня удивляешь, знаешь же завтра сына Стояна божатить, и стоишь тут... А, что если нога опять не пойдет?... Так, хватит здесь мерзнуть, пошли, давай в гридницу. – Ярил ощупал рукой непокрытую голову сына, который замороженный красотой земли, не сразу откликнулся, и добавил, – слышишь меня, Святозар, пошли в гридницу, разве можно тебе, да с больной ногой на холоде стоять.

– Да, ничего, отец, не тревожься, – ответил наследник, и так как правитель направился к дверям, ведущим в Славный коридор, прихрамывая на правую ногу, поспешил следом. – Ты же видишь, что я уже могу подолгу бывать на морозе, и с каждым разом моя нога все меньше и меньше доставляет мне неприятностей.

Святозар вошел в жарко натопленную гридницу, в которой слева в стене во встроенных в нее двух огромных каминах с прикрытыми выкованными резными дверцами ярко полыхал огонь, поедая дрова. С правой стороны зала в ряд стояли широкие прямоугольные столы и лавки, а на самой стене разместились квадратные окна с овальным закруглением наверху. От лучистого огня каминов и света свечей, установленных в канделябры стены гридницы, украшенные искусной мозаикой, переливались и поблескивали, точно в ночном небе звездные светила. Около каминов были поставлены два простых деревянных сиденья укрытые небольшими коврами, а рядом с одним из них стоял низенький коротконогий табурет.

Святозар скинул с плеч кунтыш, положил его на лавку, и, опустившись на одно из сидений, пристроил правую ногу на табурет. Суетливо подув на озябшие руки, он резво потер меж собой ладони, стараясь согреться. Правитель воссев на свое сиденье, недовольно посмотрел на сына, и, расстроено сказал:

– И чего ты вообще, на двор пошел, да еще и один, непонятно мне.

– Я, отец, – оправдываясь, пояснил наследник. – Каждый вечер выхожу и понемногу стою там один, потому как нога моя уже привыкает к холоду, и в помощи я не нуждаюсь. И знаешь, отец, вот сейчас я стоял очень долго и видишь, дошел до сидения почти не хромя и без помощи.

– Мальчик мой, это все очень хорошо, что ты не нуждаешься в помощи и можешь вот так подолгу стоять на морозе... Но сейчас твое поведение просто не разумно... не разумно... Завтра обряд божатия, а ты сейчас ногу переморозишь и тогда, точно не сможешь провести обряд, – строгим голосом заметил правитель, и, осуждающе покачал головой так, что закачались его каштановые, чуть тронутые сединой, волнистые волосы. – Я и так против того, чтобы ты проводил этот обряд. И об этом сегодня, я сказал и Храбру, и Дубыни, и Стояну. А, что если, ты, не выдержишь студеной воды и не сможешь выйти или уронишь Яронега в воду.

– Отец, ну, что ты такое говоришь, – возмутился Святозар и резко повернув голову в направлении правителя воззрился на него. Его чистое лицо с легким румянцем на щеках, прямым носом, большим и высоким лбом, тонко очерченными алыми губами и ярко-голубыми глазами, блеснуло сияющей красой. – Чего это я уроню Яронега, что у меня рук нет? Да, и потом там, подле Стоян будет, Храбр, да Дубыня. Неужели ты думаешь, они дадут утонуть своему сыну и внуку... – Наследник глянул на встревоженное лицо отца ни чем впрочем не отличимое от лица сына, быть может лишь более значимой его возрасту зрелостью да лучистыми зелеными глазами, улыбнулся и негромко досказал, – не беспокойся отец, нога меня не подведет. Обряд я доведу до конца и не утоплю своего божатого сыночка.

Правитель встал с сиденья и подошел к камину, он неторопливо поднял пристроенную возле стены кочергу, отодвинул при помощи ее дверцу, и, подкинув в огонь три коротких полена, словно не слыша шуточки сына, задумчиво произнес:

– Зря, ты и вообще соглашался быть божатым.

– Отец, Стоян и Белослава, уже два раза откладывали обряд из-за меня, – вздохнув, проронил наследник. – И я не хочу, чтобы Яронег и в этот раз оказался без божатого.

– Да, и я, про тоже, сынок, – пошебуршив прогорающие дрова в другом камине и подбросив туда два полена, сказал правитель. – Ты, зная, что у тебя большая нога, зачем просился быть божатым у дитя, знал же... Стоян тебе не откажет, а Белослава и подавно. – Ярил осторожно концом кочерги прикрыл дверцу камина, и, поставив ее на прежнее место, вернулся на свое сидение.

– Эх, отец, кто ж знал, что с ногой так будет. Я же, тогда когда решил стать божатым у Яронега не ведал, еще всей правды о ноге, – огорченно вымолвил Святозар и задумался...

И вспомнилось, наследнику престола, как четыре с половиной года назад возвращались они с войны, где победил он злобного колдуна Нука, а великий Бог битв и войны Перун разогнал и пожег своими волшебными молниями-стрелами все нагакское войско.

Припомнилось Святозару, как во время сражения обратившийся в ворона Нук, расклевал орлу-наследнику правую ногу и плюнул туда. Как после боя не хотела затягиваться страшная рана на ноге, и Святозар с отцом приняли решение, возвращаться в Славград не дожидаясь, когда она заживет.

Всю дорогу наследник страшно мучился от боли и потери крови, потому что заговоры лишь на время прекращали кровотечения и снимали боль. Святозар стоически переносил страдания и не показывал виду как ему тяжело продолжать путь не только верхом, но и вообще сам путь. А дней за пять до приезда к престольному граду он настолько ослабел, что чуть не упал с коня. Снежин, почувствовав, как плохо его хозяину, внезапно остановился, и благодаря этому Храбр и Стоян ехавшие рядом, успели подхватить сползающего с жеребца наследника.

Святозар очнулся на повозке, которой правил слуга Вячко, и куда его перенесли, уложив Храбр и Стоян. Все оставшуюся часть пути он провел уже в ней, дно повозки устлало соломой, а сверху положили укрывала, чтобы наследника во время дороги не трясло.

Святозар подъезжая к Славграду, попросился было сесть на Снежина, чтобы люд восурский не видел, как ему казалось, его в столь жалком состоянии, но отец был неумолим, и не позволил сыну сесть на коня. Он только поравнялся на своем Удальце с повозкой наследника, подъехав к ней с левой стороны, и пустив ее вперед колонны.

Так они и въехали в жилые пределы Славграда. Впереди повозка с наследником, подле правитель верхом на Удальце, а позади дружины и пешие вои. Народ ожидающий прибытия войска правителя Ярила и наслышанный о храбрости наследника, благодаря которой восуры не потеряли ни одного воина, благодаря которой ни один из воинов не был ранен, встречал победителей летними цветами, да злаками, так как на дворе стоял уже второй летний месяц грозник. Люди кидали цветы, да срезанные злаки на повозку наследника, а когда ожидающая дитя, беременная Белослава, положила на больную ногу Святозара громадный букет цветов, наследнику, стало так легко и чудесно на душе, от доброты и светлых лиц своего народа, от красоты наливающейся новой жизнью жены Стояна, что всякая мысль о том, что он жалок куда-то бесследно испарилась.

Приехав во дворец, Святозара ожидало еще одно, как ему показалось, неприятное событие. Отец перевел его из покоев, на втором этаже, в опочивальню матери, на первый этаж. Наследник, приведенный Борщом и Первушей и уложенный на ложе, оное раньше служило ложем матери, был не просто возмущен, он был вне себя, громко требуя перевести его в прежние покои. Правитель, пришедший в опочивальню, услышав крики сына, и в этот раз был неумолим, сказав наследнику, что пока тот не поправится, будет спать здесь.

– Отец, отец, – громким, раздраженным голосом говорил наследник. – Это покои матери, она здесь жила, я не хочу попирать ее память.

– Ну, что ты такое говоришь, – укладывая сына на ложе, успокаивающе молвил правитель. – Это просто опочивальня. И когда-то до смерти моего отца, она была опочивальней моей матери Радмилы, которая уступила ее моей супруге, твоей матери Доле, ожидающей появления на свет тебя и Эриха. А до того, как в этих покоях жила твоя бабка, в них жил мой дед... Нет, сынок, ты не попираешь память матери. Ты, мой мальчик, сейчас нуждаешься в покое, отдыхе и заботе, а находясь в этой опочивальне, будешь подле моих покоев и я всегда, по первому твоему зову, смогу прийти к тебе на помощь. Так, что укладывайся поудобней, закрывай глаза и спи, да не зачем тебе так тревожиться.

– А, когда, нога заживет, я перейду к себе, – все еще не соглашаясь с доводами правителя, спросил наследник. – Да, отец, перейду?

Правитель поднялся с ложа сына, и, погладив его по волосам, спокойным, негромким голосом добавил:

– Что ж, мальчик мой, когда нога заживет тогда об этом и поговорим.

Глава вторая

Третий летний месяц серпень был в самом разгаре, когда рана на ноге Святозара зажила и затянулась твердым, широким рубцом. Наследник, так долго выздоравливающий и теперь наконец-то приступивший к своим обязанностям, пришел рано утром в тронный зал. Это было одно из самых больших помещений во дворце. Стены зала богато украшала стеклянная мозаика, с затейливыми рисунками природы, зверей, да птиц. Также как и в гриднице, в зале было два входа, через один, потайной, который поместился по правую сторону от трона, заходили приближенные и наследник, второй, парадный, через него в зал вступал правитель и вызываемые вельможи, воеводы, посланники других народов. Парадный вход охранялся двумя воинами: один из дружины правителя, второй из дружины наследника, но только во время приема в тронном зале. Почти посередине залы, на возвышении, стоял золотой трон, богато украшенный дорогими камнями, на каковом и восседал правитель Восурии. Позади трона высились огромные в две сажени окна, украшенные разноцветными стеклами, а с двух сторон зала были расставлены широкие укрытые легкими коврами скамьи, на оных сидели вельможи и воеводы. Рядом с тронном на низеньком табурете мостился писака, который записывал за правителем распоряжения в берестяную грамоту.

Наследник встал, как и положено, позади трона правителя, а когда в зал вошел отец заулыбался и засветился весь от радости и счастья. Однако этот день, наполненный с утра светом и теплом, и начавшийся так хорошо принес Святозару тяжкое разочарование и познание того, что путь его не пройден, а страдания и боль все еще впереди.

В этот день, который Святозар не забудет никогда, в тронном зале было много докладчиков: воевод и вельмож из разных городов великой Восурии. Первым на доклад пришел воевода Добромир из города Тишиполь, что находился на границе с землями неллов. Это был молодой, высокий и крепкий мужчина с темно-пшеничными волосами и бородой. Он был назначен воеводой в Тишиполь совсем недавно, и приезжая на доклад всегда дюже волновался, голос его дрожал и, чтобы справиться с волнением он часто прерывался, замолкал, а посем, бедственно вздохнув, точно на плечах его лежала какая-та невзгода, продолжал свой сказ. Но то, что он поведал сегодня, вызвало волнение не только у него одного.

Добромир рассказал о том, что недавно из Неллии на восурские земли бежали люди, и, придя в город Тишиполь к воеводе, просили у него помощи.

– Эх, правитель, – вздыхая говорил Добромир. – Видел бы ты их... Пришло их десятка три, с малыми детьми, сами худые, бледные... Смотреть больно, видно давно они ели, дети их так и вообще синюшные какие-то, все в болячках, да кровавых ранах... – Воевода тягостно передернул плечами и поморщился. – Помогите сказывают, а сами плачут, дайте приют, потому как нет никаких сил жить в Неллии. Ну, а, у меня как раз большак Гостяня из деревни Веселы, что значит недалече от Тишиполя, был. Он мне и говорит: «Тем летом мы с деревенскими лесочек вырубали, для поля, хотели еще ржи, да овса посеять, но посем передумали. Так там места этим пришлым как раз хватит, чтоб поселиться». Вот значит так, и порешили, и эти неллы поселились на тех землях. Но не прошло и месяца, как ко мне Гостяня прискакал и рассказал, что поселившимся пришлым деревенские помогли едой, одеждой, привезли им материал для постройки изб, бревна значит, а они эти неллы сложили из бревен жрище... И когда деревенские к ним с чем-то пожаловали, то увидели, как эти неллюди собираются убить и принести в жертву юношу лет пятнадцати. Деревенские попытались отбить отрока, но их было двое, а неллов.. тех с десятков. Деревенским досталось, конечно, но они робята молодые, хоть и побитые, однако сил много, вернулись в Веселы рассказали все, взяли мужиков, ну и обратно к неллам. – Добромир, замолчал, подняв руку обтер лицо, с какового прямо-таки ручьями катил пот и вздохнув, добавил, – неллам крепко досталось от наших робят, крепко... Мужики

так разгневались, что жирище сожгли.. сожгли, так как отрок, когда они пришли, был уже мертв. Гостианя мне сам рассказывал, что видел тело убитого мальчика, и внутренности они неллы с него достали, да на этот жертвенник положили и подожгли, а кровь его под жертвенник и вылили.

– А, ты, зачем Добромир, – строго спросил правитель. – Зачем не посоветовавшись со мной, разрешил им селиться у нас?

– Так, ты, правитель на войне был, – оправдывался Добромир и от беспокойства стал оправлять на себе голубой опашень. – Да, и если бы мы их обратно вернули, их этот... царь ихний Манялай-Палумит. Он бы их всех, как предателей веры в жертву своему господу Богу Есуанию принес, и даже детей малых. Эх, правитель, детей то жалко, ни тока мне, людям тоже.

– Ну, а теперь, что с этими неллами? – поинтересовался правитель и нахмурил лоб.

– Да, что..., – пояснил Добромир и перевел взгляд с лица правителя на лицо наследника. – Деревенские их мужиков похватили, да привели в Тишиполь, в темницу. Ну, а женщин и ребя-тишек оставили... Куды же ребятишек, да женщин девать? Они пока там, где и были. Гостианя с деревенскими построил им дома, расселил... Но, правитель, как женщины с детворой, да без мужиков? Ну, никак женщинам не управиться без мужиков. Уж, мы правитель думали, думали, что предпринять... А потом решили, что надобно ехать в Славград и спросить совет у тебя и наследника.

Добромир замолчал, тяжело перевел дух, и сызнова утер струящийся из под густых волос пот, да замер на месте. В зале также наступила тишина, потрясенные лиходействами неллов, которые вроде бы и бежали сюда именно от этих злодеяний, молчали не только правитель и наследник, но и находившиеся в зале воеводы и вельможи. Святозар очнулся первым, и, скривив губы, негромко спросил отца:

– Правитель, я могу сказать?

Отец повернул голову к наследнику, посмотрел на него ясными зелеными глазами и ответил:

– Да, Святозар, ты можешь сказать.

Наследник тихо кашлянул, прочищая горло и спокойным, ровным голосом начал говорить:

– Это было много веков назад. Тогда, когда жил Богомудр. В восурский город Сугорье, что стоял на берегу Северного моря, стали приплывать из-за моря люди их звали керты. Сначала они приплывали, как гости, но видя нашу прекрасную и богатую землю, стали посылать юношей вроде как для мены и торговли. Те юноши селились в Сугорье, строили избы, привозили жен, рожали детей. А когда восуры оглянулись, то увидели вокруг себя воинов с мечами, пиками, луками. И скоро землю нашу керты прибрали себе, восуров они заставили работать на себя. А еще через какое-то время керты велели восурам поверить в своих Богов, тех же кто не подчинялся... тех изгоняли, словно псов камнями. И земля та издревня бывшая восурской окертилась. И тогда ДажьБог сказал: «Как же вы, восуры, проспали землю свою, проспали веру свою. Иди теперь Богомудр в Сугорье и прогони кертов туда за Северное море, где лежат их земли». Богомудр собрал большое войско, подошел к Сугорью, и призвал к себе живших там и обращенных в яремников восуров. Сказав им, что лучше быть мертвым, чем живым яремником, что никогда не живет невольник, лучше хозяина, и что надо биться за свою волю и землю, как велит ДажьБог. И началась битва, и много восуры побили кертов, а оставшихся посадили на ладьи, и отправили в Северное море. – Святозар на миг прервался, наморщил лоб так, что он покрывлся мельчайшими паутинками, надсадно выдохнул, и слегка покачнувшись, продолжил, – не зачем было тебе Добромир, принимать у себя неллов не посоветовавшись с правителем. Ибо сейчас они пришли на нашу землю, как несчастный и униженный люд, но однако сохранивший свою веру и традиции, а значит неизвестно, что хранящий в своей душе. И не ведомо вообще кто им подсказал явиться в Восурию... Думаю, я, раз ты их при-

нял, теперь не следует изгонять, а нужно поступить так... Когда я был в гостях у царя Альма в чудесной стране Эвлисии, то он поведал мне, что неллы раньше верили в Сварога, Семаргла и Перуна, но один из их правителей решил изменить веру и принять другую. Это был пожилой правитель, каковой боялся, что его дети не смогут поделить трон и убьют друг друга. Он построил в своем городе дворец, назвал его жрище и повелел приносить кровавые жертвы людьми. Народ же не призвал на помощь своих Богов, не стал бороться за веру, а смолчав, принял нового господа Есуания, – наследник, вновь замолчал, он положил левую руку на трон правителя и оперся на него.

– Первый раз, такое слышу, – вымолвил Добромир, удивленным взглядом уставившись на Святозара.

– Да, – заметил наследник, и, губы его трепетно дернулись. – Я тоже впервые это услышал от царя Альма. Так, вот, наверно, пришло время напомнить неллам, кто были их Боги... Сказать им, что когда-то отцы их и деды предали Сварога и его сыновей, и приняли чуждую, мертвую и кровавую веру. Пусть те, которые к вам прибыли знают это и сделают выбор. Либо они перестают следовать обычаям вымышленного господа и Бога Есуания и остаются на нашей земле, либо отправляются обратно к неллам. Рассказать это надо всем, и мужчинам, и женщинам, и отрокам, и пусть каждый из них выберет свой путь, туда в Неллию или здесь в Восурии. Потому что их вера, словно язва на теле нашей земли, не успеем мы обернуться, как найдется новый Нук, который начнет учить, обманывать восуров при помощи Есуания. – Лицо Святозар на миг перекошилось, точно он пытался справиться с болью, он даже прикусил губу, но немного погодя добавил, – и можно, правитель отправить к ним моего дружинника Леля. Он был в стране Эвлисии, видел царя Альма. Я поведаю ему сказ о предательстве неллов, а уж его передать им он сможет, как нельзя лучше.

– Что ж, Святозар, – согласно кивнув головой, немедля откликнулся правитель. – В твоих словах много мудрости... Такие люди, которые не могут навести порядок на своей земле, которые не способны бороться за свою веру, Богов и волю, придя на другие земли будут болезнью, поражая кругом все светлое и чистое своими кровотокающими ранами. И это очень плохо, Добромир, что ты принял решение, не посоветовавшись со мной и наследником. А теперь, надо поступить, так как советует мой сын. Отправим с тобой дружинника Леля, а он поведаст всю правду неллам о их вере. – Правитель прервался и задумавшись свел брови так, что между ними залегли две глубокие морщинки, обдумывая, что-то, а засим поспрашал у воеводы, – Добромир у вас же там растет великий долгожитель вяз, посаженный первыми восурами поселившимися в тех краях?

– Вяз? – не поняв при чем тут дерево, изумленно переспросил воевода. – Да, у нас растет знаменитый вяз, посаженный в честь Бога Велеса, самый почитаемый в наших краях.

– Вот и славно, что он самый почитаемый в ваших краях, – улыбнувшись, произнес правитель. – Отведите тех неллов к этому вязу, да все им там и поведаете. И добавьте, Богиня Макошь, которая в небесной Сварге прядет нити судеб, и велениям которой подчиняются не только люди, но и Боги, всегда дает человеку свободу выбора. Человек сам решает, по какому пути ему следовать, по пути Правды, или по пути Кривды, человек сам выбирает, еще находясь здесь в Яви Ирий-сад или Пекло. И пусть неллы обдумают все хорошо и выбирают тот или иной путь.

Добромир выслушал внимательно правителя, его лицо радостно посветлело, он широко улыбнулся, поклонился, и отпущенный правителем сел на скамью рядом с вельможей из Славграда.

Когда прием в тронном зале подошел к концу, правитель обратился к писаке Милонегу разместившемуся подле трона на низеньком табурете и записывающему за Ярилом распоряжения в берестяную грамоту:

– Ну, что, Милонег, на сегодня это все?

Милонег словно подсигнул сообща со своим коротконогим табуретом на месте, низко склонил голову, и с полным почтением к правителю, ответил:

– Да, ваша милость, больше докладов не будет.

Правитель по обыкновению хотел было подняться, но Святозар приблизив к его голове свою, поспешно и чуть слышно сказал:

– Отец, обожди, не подымайся.

Правитель повернул голову, недоуменно посмотрел на сына и спросил:

– Ты, что-то хочешь добавить вельможам или воеводам?

Наследник порывисто замотал головой. Натужно дрогнули черты его красивого лица. И справляясь со стоном, он вырывался из его губ, Святозар торопливо пояснил:

– Отец, я не смогу проводить тебя до дверей... Нога так разболелась, я боюсь, что упаду сейчас.

Правитель переклонился через ручку трона глянул на правую ногу сына и увидел, что наследник стоит, не опираясь на нее.

– Ты думаешь, сынок, рана открылась? – встревоженным голосом спросил правитель.

– Наверно, отец... наверно, открылась рана, – выдохнув, заметил Святозар и лицо его теперь и вовсе побледнело.

Правитель развернул голову в сторону писаки, и, подзвав его к себе негромко велел:

– Милонег, там, у дверей тронного зала стоит дружинник наследника Искрен, сходи, позови его ко мне, да поторопись.

Милонег подошедший к правителю, низко поклонился, а выслушав его, немедля поспешил к распахнутым дверям тронного зала, где со стороны коридора стояло два воина: один из дружины правителя, другой из дружины наследника. Через мгновение в зал вошел в темно-синем парадном долгополом терлике, с короткими рукавами Искрен. Это был высокий и крепкий в плечах юноша, с белокурыми волосами и редкой бородой да усами. Он быстрым шагом миновал зал, и, подойдя к трону правителя, поклонился, готовый выслушать его повеления.

– Искрен, – обратился к нему правитель. – Помоги наследнику выйти из тронного зала, у него разболелась раненная нога.

Искрен кивнул головой и стремительной поступью направился к бледному Святозару, крепко держащемуся одной рукой за спинку трона. Юноша подставил свое мощное плечо другу, и когда наследник отпустив спинку трона перехватился, при том тяжело покачнувшись, Искрен тотчас приобнял Святозара за стан. Да засим медленно повел друга к потайной двери, находившейся за тронном.

Как только за Искреном и Святозаром закрылась дверь, наследник остановился, придерживаясь одной рукой за плечи друга, а другой за стены коридора, он замер на месте, стараясь отдышаться. И стоял так какое-то время, словно набираясь сил, а после, слабым голосом, попросил своего дружинника, проводить его в светлую комнату.

Искрен все еще придерживая наследника за стан, осторожно и неспешно повел его по коридору к светлой комнате, а войдя вовнутрь, усадил на сиденье. Встав напротив сиденья, на котором поместился Святозар, Искрен с тревогой во взоре оглядел друга. Наследник сидел почти недвижно, лишь надрывисто дыша, его побледневшее лицо покрылось мелкими капельками пота, будто просеянного с неба.

– Святозар, что случилось? – взволнованным голосом спросил Искрен.

– Не знаю... так вдруг нога разболелась... так разболелась... Так она уже очень давно не болела, очень давно... Точно вновь открылась рана, – ответил Святозар, и, вытянув ногу вперед, открыл глаза и прикусил губу.

– Давай, я подниму штанину и посмотрю, что там? – предложил Искрен, и в его серых крупных глазах блеснуло сострадание.

– Ага, Искрен, если не тяжело посмотри, – отозвался Святозар, все еще муторно дыша и перекашивая губы.

Искрен присел перед вытянутой ногой наследника, и осторожно приподнял штанину, но на ноге, кроме широкого красного рубца, ничего не было.

– Святозар, погляди, – тихо позвал Искрен друга. – Рубец на месте, он не разошелся.

Наследник наклонился над ногой, и, увидев на месте раны рубец, протянул руку аккуратно, точно, боясь доставить себе еще боль, погладил его, и добавил:

– Почему же тогда, так больно? Почему?... Ладно, Искрен, иди, скажи правителю, что рубец не разошелся, успокой его.

– А, ты? – поднимаясь с корточек, поспрашал Искрен.

– Я, побуду пока тут, – молвил Святозар.

Искрен развернулся, и все еще бросая, тревожные взгляды на наследника, вышел из светлой комнаты. Лишь за дружинником закрылась дверь, Святозар не мешкая поднялся с сиденья, и, подпрыгнув на здоровой ноге прямо к столу, схватился за его край руками. Он с трудом перевел дух, глубоко вздохнул и нежно погладил пальцами, лежащую посередине стола большую книгу, с яркой желто-красной волохой, да зашептал заветные слова: «Полети птица Гамаюн, светлый посланник Сварога, во славные Рипейские горы, поклонись Богу Сварогу, что пирует со небесными Богами, трижды поклонись, трижды попроси, чтоб раскрыл он великую книгу заключающую в себе знания Мира. И как отверну лицо от Кривды, противницы Правды. Так и мысли мои чисты будут. Да достанутся знания только достойному Богу. И слово мое крепко. И слово мое светло.» И как только произнес слова Святозар, книга тихо загудела и раскрылась. На первом ее листе был изображен Бог Сварог, высокий старец с белой длинной бородой, в роскошных одеяниях и с золотым нимбом на голове, от которого во все стороны расходились лучи сияния. Старец держал в руках длинный посох, а вокруг него золотым светом горели слова: «Род Святозара, первого восурского человека, храни верность Богу Сварогу! Храни и передавай из века в век книгу Бога Коляды-Вед!»

Наследник потрогал пальцами надпись и также тихо произнес: «Вед покажи мне как излечить ногу!» Книга в ответ захохла и тяжело вздыхая принялась перелистывать листы, наконец, она остановилась на одном из них. Святозар наклонился, чтобы лучше рассмотреть то, что показала Вед. Он глянул на лист, вздрогнул всем телом и тихо зашептал, читая то, что было там написано. Наследник дочитал все слова до конца и резко испрямился, тяжело покачиваясь и опираясь на одну ногу, да все еще придерживаясь пальцами за край стола. Некоторое время он стоял так и нервно глядел вперед, переосмысливая прочитанное, а затем развернулся к сиденью, и, наступил на больную ногу, коя тут же подогнулась, не позволяя на себя опираться. Святозар ухватился за ручки сиденья, и, подтянув больную ногу, опустившись на его мягкую поверхность, сел, да судорожно выдохнул. Все еще морщась от боли и тихо постанывая, он выставил ногу вперед, обхватил голову руками и замер.

В комнату, резко открыв дверь, вошел правитель. Он был еще в парадном белом опашне летнем, долгополом кафтане с короткими, широкими рукавами, и подойдя к сыну, остановился около него, тревожным взглядом обзрел наследника, и с трепыханием в голосе спросил:

– Искрен, сказал, что рубец на ноге не разошелся. Почему же она у тебя тогда разболелась?

Святозар отпустил голову, и, убрав от нее руки, схватился за ручки сиденья, будто страшась с него упасть, он посмотрел на отца пронзительным взглядом да порывчато кивнул ему в сторону книги. Правитель проследил за движением головы сына и незамедлительно поспешил к столу. Он также как и ранее Святозар наклонился над книгой, вздрогнул всем телом, и беззвучно передвигая губами, прочитал то, что показала Вед. Отец оперся руками о гладкую поверхность стола, его губы искривились, лоб нахмурился. Он какое-то время хранил молчание, погодя убрал руки со стола, выпрямился, и, посмотрев на сына, сказал:

– Значит, тебе, нельзя тревожиться.

– Как же можно жить и не тревожиться, отец? – усмехнувшись, спросил Святозар. – Да, и посем, ты же дочитал до конца, я думаю, и узнал как я могу излечить свою ногу, и что содержалось в крови Нука... – Наследник внезапно заулыбался, и добавил, – да, я уверен... уверен... Он плюнул туда, потому как знал, что теперь я буду мучиться до конца своих дней... Знал, что его кровь, высосанная из пальца Горыни из самого Пекла, будет всегда доставлять мне боль, всякий раз... всякий раз, как я начну тревожиться и волноваться. Ах, ты, подлое существо... не знал ты только, что Боги укажут мне мой путь. Укажут, что сойдя в Пекло, я не только смогу освободить душу моей матери, но смогу излечить и свою ногу... Взяв воды из жидко-стоячего озера боли и страданий, что находится в пекельном царстве Чернобога...

– Замолчи, Святозар, – громко и очень гневно проронил правитель. – Ни какого Пекла, не хочу, чтобы ты об этом говорил и думал. – Отец подошел к сыну, обхватил пальцами его подбородок, и, приподняв, заглянул ему в очи. – Я сделаю все, чтобы ты не тревожился и жил спокойно.

– Отец, сегодня, я был в тронном зале, услышал про неллов, и нога заболела, – заметил Святозар не отрывая своих голубых глаз от очей правителя. – Да, так, что мне пришлось приложить всю свою волю, чтобы не упасть, а до стоять прием до конца.

– Значит, – уже более спокойным голосом произнес правитель. – Я поставлю рядом со своим тронном тебе сиденье, и ты будешь во время приема сидеть, а не стоять.

– И каждый раз, меня кто-то из моих друзей будет выносить из зала, да? – раздраженно спросил наследник, и убрал руку правителя от своего подбородка. – И потом, отец, – Святозар усмехнулся. – Нога все равно будет болеть... прочитай этот лист в книге до конца.

– Я прочитал его до конца, – откликнулся правитель, и, сведя брови к переносице, отошел от сына к окну. – Я прочитал его два раза.

– И не понял, отец, главного, – звонко выкрикнул наследник, и стукнул ладонями по ручкам сиденья. – Мне надо идти в Пекло. Там я освобожу мать и излечу ногу.

– Слышать, тебя, смешно мальчик мой, смешно, – Правитель стоял все еще лицом к окну, и очень мягко добавил, – ну, как ты с такой ногой дойдешь до Пекла? Это же не Беловодье, волшебная страна света, это же пекельное царство, Навь. Оттуда никто не возвращался, и ворота туда не открываются смелым, храбрым и мудрым, нет... Если бы ты был здоров, я был бы против, а с такой ногой... Ногой которая откажет тебе, стоит лишь переступить ворота Пекла.

Святозар молча, выслушал отца, да гневливо стукнул ладонями о ручки сиденья раз, другой, третий, громко застонал и выкрикнул:

– Да, да, да... ты прав отец. – Он смолк, пронзительно скрипнул зубами, сделал глубокий вздох, подавляя волнение и стон, и уже тише дополнил, – и потом ДажьБог сказал, что прежде чем я смогу пойти по этому пути должен я подарить тебе надежду... Надежду, что это отец? Я все время об этом думаю, все время...

Правитель подошел к сыну, и, придвинув стоящий возле стола деревянный тонконогий табурет сел напротив него. Он посмотрел на сына, наполненным, одновременно, болью и любовью взглядом, и тихо изрек:

– Не стоит об этом думать, мальчик мой. С такой ногой, ты не сможешь дойти до двери этой комнаты. Я видел, как ты выходил из тронного зала, а отправится в Пекло, это... это, сынок, невозможно.

– Ну, может, я найду заговор, – беспокоило проронил Святозар и поднялся, чтобы пойти к столу.

Наследник оперся на больную ногу, та опять подогнулась, и тяжело покачнувшись, Святозар упал. Правитель вскочил с табурета, и подле самого пола успел подхватить и придержать наследника, он заботливо усадил сына на сиденье, погладил его по волосам и, вздохнув, заметил:

– Мальчик мой, да, что же ты, в самом деле. – А увидев перекошенное от боли лицо сына, добавил, – сейчас я позову Борща и Вячко, и они переведут тебя в твою опочивальню. Тебе надо отдохнуть, а заговор ты поищешь погодя. Ты перестанешь волноваться, и боль в ноге утихнет. Ведь все это время, после возвращения с похода, ты так не страдал, потому что не тревожился. И, я, думаю еще, если ты не можешь, в тронный зал на прием приходить не будешь.

– Отец, – возмущенно откликнулся Святозар, подавляя на лице боль. – Какой же я тогда наследник буду?

– Тогда, – словно отвечая на вопрос сына, произнес правитель. – Изменим традицию...

– Что? Что, ты, такое говоришь, отец? – наследник замотал головой и, разочарованно глянул на правителя. – Да, как это изменим традицию?

– Ну, ты же Святозар, изменил традицию, – улыбаясь, пояснил правитель, и, протянув руку, вновь погладила сына по волосам. Он пододвинул табурет вплотную к наследнику так, чтобы тот больше не смог вскочить, сел, и продолжил, – еще, будучи наследником. Так почему же, я, правитель Ярил, по реклу Щедрый, не могу изменить одну традицию, ради моего сына. – Правитель замолчал, с нескрываемой любовью, воззрившись на Святозара и дополнил, – ради моего сына, наследника Святозара, по реклу Велико-Достойный.

– Что ты сказал, отец? – удивленно переспросил наследник.

– Я, мальчик мой, сказал, что восуры тебе уже дали рекло, – проговорил правитель, и в тоне его звучала гордость и восхищение собственным сыном. – Ни один наследник, никогда, не получал рекла. Этого удаивались лишь правители, и только после нескольких лет правления Восурией. Но, ты, мой мальчик, уже получил от своего народа прозвище, и твое рекло Велико-Достойный.

Святозар широко улыбнулся, и смущенно зыркнув на Ярила, смятенно поспрашал:

– Откуда ты узнал?

– Мне уже об этом целый месяц рассказывают воеводы и вельможи с разных городов, – ответил правитель, и тоже широко улыбнулся. – Ты же на докладах в тронном зале не бывал, и не слышал, как люди о тебе говорят... Потому, я думаю, что если ты решишь посещать тронный зал, то мы с тобой изменим традицию. И теперь я не буду покидать тронный зал в сопровождении наследника, а тронный зал будут покидать воеводы и вельможи. И когда они уйдут, ты сможешь, спокойно опершись на плечо Борща выйти из него.

– Нет, отец, – начал было Святозар.

– Никаких, нет, – спокойным и ровным голосом заметил отец, и качнул головой. – Покуда я правитель, так и будет. Мой сын, мне очень дорог. Он дорог и любим всем народом восуров, и, зная, как жертвовал ты своей жизнью ради каждого из нас этой весной... Зная, что ты ранен, и нога твоя продолжает болеть, никто... Поверь мне, мальчик мой, никто, не посмеет сказать, что мы поступили не верно.

Святозар молчал, обдумывая слова правителя, да миг спустя произнес:

– Ты знал, отец, что первого Святозара, люди прозвали...

– Достойным Бога, – перебив сына, закончил правитель. – А, Богомудра прозвали Великим. Я, конечно, сынок, это знаю. И раз, ты, мой мальчик, понимаешь, как дорог ты своему народу, пойми главное, твоя рана, это болезнь, и пока не найден заговор, надо поступать так, чтобы как можно меньше получать от болезни страданий. Теперь же, сынок поднимайся, обопришь на мое плечо, и мы выйдем в коридор, а там слуги доведут тебя до твоих покоев. И еще, ты, надеюсь, теперь понимаешь, что тебе лучше остаться в бывшей опочивальне матери. – Ярил уставился зелеными очами в лицо сына, оный поднявшись с сиденья и опершись о плечо отца, отрицательно замотал головой. – Ах, ты, мой упрямец... Тогда, я, отвечу на твой вчерашний вопрос, по поводу того можешь ли ты перейти в свои покои на второй этаж. Нет, мальчик мой, я не разрешаю перейти тебе в твою бывшую опочивальню, а повелеваю тебе, своему сыну, остаться в нынешних твоих покоях на первом этаже.

Глава третья

Правитель, как и обещал, сделал все, чтобы сын его, наследник престола, не тревожился и не волновался. Он изменил традицию выхода из тронного зала, и окружил своего сына заботой, любовью и теплом, а Святозар настойчиво пытался создать или найти в книге заговор, который мог, хотя бы на время, обеспечить его ноге здоровье. Но поиски наследника были безуспешны. Создать заговор не удавалось, а каждый раз, когда он спрашивал у книги, как излечить ногу, Вед показывала ему жуткое жидко-стоячее озеро боли и страданий пекельного царства Чернобога. И тогда, Святозар решил, что наверно еще не время узнать этот заговор и познать ту надежду, которую он сможет подарить отцу. А придя к такой мысли, наследник решил жить дальше, стараясь не обращать внимания на боль в ноге, возникающую при тревоге.

В середине первого осеннего месяца вересень у Стояна и Белославы родился сын Яронег. Святозар приехавший вместе с правителем в только, что отстроенный дом Стояна и Белославы поздравить молодых родителей с рождением сына напросился стать Яронегу божатым, то есть названным отцом. По традиции божатым становился человек чистый и светлый, близкий друг отца ребенка, который в случае смерти родителя должен был его заменить и воспитать из мальчика достойного ратника, защитника близких, семьи и Родины. Божатый избирался отцом только для рожденного сына, и связано это было со старинным поверьем восуров. Когда первого восура рожденного от коровы Земун ДажьБог принес и отдал старшему рода Богумиру и его жене Славуне, которые со своим народом жили на восурских землях, верили в Сварога, Перуна, Велеса и ДажьБога, но у каковых не было сыновей, а рождались дочери, то засим Бог призвал в помощь Велеса. И всех последующих мальчиков стал приносить уже Велес, и, окуная в воду передавать божатым отцам, оные ожидали этих отроков, как продолжение и вечную жизнь их рода. С тех самых пор, восуры, в дань уважения к Богу Велесу, ДажьБогу и корове Земун, ровно девятнадцатого студня, в тот день когда ДажьБог даровал первого отрока Богумиру, проводили обряд божатия. Для этого в реке Спокойная прорубали прямоугольную прорубь, и каждый божатый взяв мальчика на руки, сходил с ним в прорубь, и, окунаясь с дитем один раз в воду, символизировал единение сына и отца. Обряд совершался, когда младенцу исполнялось два-три года.

Стоило Святозару попроситься быть божатым у Яронега, как Стоян и Белослава тут же обрадовавшись, согласились. Но наследник, не знал всей правды о своей ноге, а узнав о ней, уже и пожалел, что напросился в божатые к Яронегу.

Это случилось в начале месяца грудня, на землю только выпал первый снежок и ударили не сильные морозы. Святозар вместе с Туром, правителем, Храбром и Дубыней выехал рано поутру на конную прогулку. Как всегда покинув жилые пределы, пустили лошадей галопом, и Снежин не признающий поражения, обогнал коня правителя Удальца, которого считал на скачках своим главным соперником. Святозар ускакавший на много вперед, поворотил Снежина, и, подъехав к спешившимся наставникам, брату и правителю, довольный своей победой и конем, ласково поглаживая Снежина по шее, заметил:

– Вот видишь, отец, хоть я и никудышный наездник, но благодаря моему чудесному Снежину, я сегодня обогнал тебя и Тура.

Святозар задорно засмеялся и спрыгнул с коня. Однако стоило только подошвам его сапог коснуться земли, как тут, же правая нога подогнулась в колене, и наследник упал спиной прямо на дорогу, под передние копыта коня. Снежин тревожно заржал, и, скосив правый глаз в сторону упавшего хозяина, замер на месте. Увидев, падение Святозара наставники и отец, громко вскрикнули, и, бросившись к наследнику, помогли ему подняться и сесть.

– Что случилось, сынок? – взволнованным голосом спросил правитель, и, опустившись на присядки рядом с наследником, утер его лицо, на которое попали брызги грязи.

– Не знаю, отец, ноги словно нет..., – удивленно ответил Святозар.

Правитель засунул руку в сапог, и, потрогав больную ногу, порывчато вздрогнув, добавил:

– Как холодна... точно также, как когда ты вернулся с Пекла. Ты можешь на нее наступить?

Храбр и Дубыня помогли наследнику подняться. Святозар поставил правую ногу на землю и попытался на нее опереться, но она сызнова дернувшись подогнулась, не слушаясь его и совершенно не позволяя на себя встать.

– Отец, ее словно нет, – нервно проронил наследник. – Словно нет...

– Успокойся, мальчик мой... успокойся... Наверно ты переволновался или перемерз, – произнес правитель придавая своему голосу бесстрастности и принялся шептать заговор, чтобы обсушить грязные да намоченные вещи на сыне.

– Нет, отец, я не волновался... Да, и нога совсем не болит... ее точно нет, – с дрожью в голосе пояснил Святозар и в нем послышалась едва осязаемая паника. – Я был в таком приподнятом настроении. Нет, это, совсем другое, – наследник замолчал, он нахмурил лоб, обдумывая, что-то, и внезапно побледнев, вскрикнул.

Правитель прервал заговор, посмотрел на сына и тихо спросил:

– Что, мальчик мой?

– Отец, помнишь, Вед показывала нам с тобой про излечение и... – Святозар глубоко вздохнул. – И строчки внизу горели голубым светом, а мы не могли понять, что это, а это было...

– И страдание, и боль, будут вечным другом его, и холод будет касаться тела его, – дошептал за сына правитель и теперь побледнел уже сам.

– И холод будет касаться тела его, – скривив губы, протянул Святозар. – Что же за жизнь у меня отец? Нельзя тревожиться, нельзя выходить на холод? – Наследник округлил глаза и испуганно вскрикнул, – а, как же... Как же, отец, я тогда буду божатить Яронегу?

– Сейчас не до Яронегу, – строго сказал Храбр придерживая наследника за руку. – Ярил, надо ехать во дворец... Нельзя Святозару тут на морозе стоять, я правильно понял? – Наставник посмотрел на правителя, а когда тот расстроено кивнул, добавил, – Дубыня, подведи Снежина, и помоги мне посадить наследника. Надобно поторапливаться, я думаю, неизвестно, как долго можно Святозару находиться на дворе.

Дубыня тут же отпустил наследника и поспешил к коню, который, лишь только подняли хозяина, отошел подальше и теперь со стороны наблюдал за всем происходящим да весьма тихо, что-то ржал, точно возмущался падением Святозара. Взяв поводья в руки наставник, ласково погладил коня по морде, и по-доброму молвил:

– Ах, ты, умница Снежин. Какой же ты молодчина стал.

Дубыня подвел жеребца к стоящим, а после они вместе с Храбром помогли сесть на него Святозару, которого совершенно не слушалась правая нога. И более не мешкая отправились в обратный путь.

Когда процессия наконец-то подъехала ко дворцу, наследник уже так замерз и его так трясло, что казалось холод перешел с больной ноги на все тело.

Правитель приказал слугам растопить баню, а пока наставники перенесли Святозара в его покои и уложили на ложе. Борщ жарко натопил печь, которая отделяла покои правителя от покоев наследника. Сенич принес горячего молока, да растер тело и ногу согревающей мазью, а отец, укрыв сына теплыми укрывалами, прошептал над ним заговоры. Какое-то время спустя Святозар перестал трястись, согрелся и уснул. Правитель сидел около сына, на его ложе, и, стараясь не тревожить сон, осторожно ощупывал больную ногу, коя постепенно согревалась. Когда нога потеплела, а кожа на ней стала неотличима от кожи на здоровой ноге, наследник пробудился. И сразу же пошевелил больной ногой, да протяжно дохнув, добавил:

– Ох, отец, все хорошо. Я ее чувствую... Знаешь, я, так испугался... испугался, что вообще ее лишился. Честно сказать, не хотелось бы мне вот так все время скакать на одной ноге, – Святозар тихо засмеялся. – И уже тогда, отец, я бы точно не смог стать божатым Яро-нега... Ну, ты подумай, как бы я по деревянной лесенке, установленной в проруби смог бы до дна допрыгать на одной ноге, да еще с дитем богатырского сложения на руках?

Правитель нахмурил лоб, потому что остался недовольным шуткой наследника, но не желая тревожить сына все же криво улыбнулся, и негромким голосом ответил:

– Первуша и Вячко натопили баню, пойдем, обмоешься, да погреешься, чтобы холод из тебя весь вышел.

– Да, что ж, отец, Сенич меня так натер какой-то чудесной мазью, что холод из меня уже весь выскочил, – заметил Святозар. Он немного помолчал и тяжело вздохнув, досказал, – так, что, отец, мне выходит нельзя зимой на двор выходить... Этот Нук, он, постарался на славу и загнал меня в темницу, тебе не кажется, отец? Тревожиться нельзя, быть на холоде нельзя... Да, хорошую он мне создал темницу, в которой сколько же я так буду мучиться?

– Ты, будешь жить... жить, а не мучиться, – тихим голосом откликнулся правитель. – Для меня самое важное, что ты жив... что не умер, как мой второй сын.

– Да, отец, конечно, – согласился Святозар, и, скинув с себя укрывала, сел на ложе подле Ярила. – Я тоже не хотел покидать тебя, ты же знаешь это... Просто я расстроен из-за ноги. – Наследник надсадно вздрогнул всем телом, будто выпуская из себя последние капли холода, однако приметив наполненное болью лицо Ярила, протянул руку похлопал его по покоящейся на ложе руке, и бодро добавил, – вот же отец, тебе повезло... – Правитель недоуменно глянул на сына. – Ну, как же, теперь я не смогу покидать тебя, ни на праздниках в честь Богов Велеса и Коляды, ни на масляницу. Не надо, тебе, волноваться, что я разобью нос, сойду в поединке с шуликунами или обернусь орлом и улечу в окно... Теперь, мой дорогой отец, я буду всегда с тобой рядом... всегда. И наверняка, мы с тобой так наговоримся, что вскоре надоедим друг другу.

– Нет, – отрицательно качнув головой, ответил правитель, и, притянув к себе сына, крепко его обнял. – Ты никогда... никогда мне не надоешь, а общение с тобой для меня всегда радость.

Святозар, несмотря на то, что выход на двор, каждый раз заканчивался для него ложем или баней, все же настойчиво заставлял свою ногу привыкать к морозу. Так как ни один заговор не оказывал никакого действия на больную ногу и не снимал с нее пекельный холод, всяк раз охватывающий ее на дворе. Каждый день он одевался, брал с собой Борща и выходил в сад, а возвращаясь обратно, повиснув на плече слуги, почти не наступая на ногу, подолгу отогревал ее около камина в гриднице, нагирая согревающей мазью. Правитель, понимая, что ссора с сыном лишь принесет еще большую ему боль и страдания, и все же не в силах наблюдать его мученья, стал запрещать Борщу выводить Святозара на двор. А когда наследнику в помощи отказали не только Борщ, Вячко, но и все другие слуги. Святозар нашел человека, который молча, исполнял его просьбу и ничего не рассказывал правителю.

Каждый вечер Искрен приезжал к Святозару, и помогал ему выходить на двор, и возвращаться в опочивальню. Они делали это тогда, когда Ярил и слуги уже укладывались на покой. Долгое время правитель даже и не ведал, что твориться у него под носом. Но где-то в середине, третьего зимнего месяца, сечения, поздно вечером он вышел из своих покоев и увидел сына, который тяжело хромая, опираясь на плечо Искрена, вышел из дверей гридницы, направляясь к себе в опочивальню. Правитель гневно глянул на Искрена и так побледнел, что Святозар не просто оперся о плечо друга, а повис на нем.

– Искрен, – негромко протянул правитель. – Как ты смел? Как ты смел, пойти на поводу Святозара и подвергнуть его таким мученьям?

– Отец, погоди, погоди, – поспешил заступиться за друга наследник, и так разволновался, что даже при свете факелов, стало видно, как перекошилось от боли его лицо. – Погоди... Искрен мне помогает... Ты, сам, лишил меня всякой возможности, приучить ногу к холоду. Запретил помогать мне слугам, наставникам, Стояну, друзьям.

– Это же для твоего блага, – немедля откликнулся правитель и подошел ближе к сыну.

– Отец, да какое это благо? – застонав, добавил Святозар. – Какое благо? Искрен, – не в силах более стоять, обратился к другу наследник, – веди меня в покои... Отец, все так было хорошо, зачем ты вышел? Зачем? Теперь так разболелась нога.

Правитель протянул руки к сыну, желая ему помочь дойти, но Святозар оттолкнул его, отказываясь от помощи и повиснув на Искрене, тяжело переводя дух, гневно продолжил:

– Ты, ты, отец, загнал меня в угол... Я выполняю все, что ты повелеваешь, но ты не должен требовать от меня, чтобы я не боролся за свою жизнь.

– Давай, я помогу тебе, мальчик, – с тревогой в голосе молвил правитель, увидев, как побледнел наследник.

– Нет, нет... мне поможет Искрен, – гнежливо проронил Святозар. – Он единственный кто не отказал мне, понимая, что лишь приучив ногу к холоду, я смогу стать прежним. Ты, отец, – уже чуть тише дополнил наследник, надсадно переводя дух. – Зачем лишаешь меня возможности бороться за свое здоровье? Ты же видишь и знаешь, магия здесь наша бессильна, поэтому надо... надо терпеть и приучать ногу к холоду. Ну, а раз ты это не понимаешь, то я больше не желаю с тобой об этом говорить, слышишь, отец, не желаю.

Святозар почти выкрикнул последние слова, и, шагнув вперед, обиженно отстранил отца, да в сопровождении Искрена вошел в опочивальню. Следом в его покои пришел правитель, и, несмотря на недовольство сына, помог Искрену раздеть Святозара, потому что у того от волнения нога разболелась так, как уже очень давно не болела.

Правитель и Искрен уложили стонущего наследника в ложе, а тот тяжело дыша и пытаясь справиться с болью, обратился к правителю:

– Отец, дай мне слово, что не будешь ругать Искрена, дай слово.

– Хорошо, мальчик мой, ты только успокойся. Обещаю тебе... обещаю, что не буду ругать Искрена, – незамедлительно ответил правитель и укрыв сына укрывалом, присел на его ложе. – Только успокойся, пожалуйста... И правда, зачем я только вышел? Зачем так расстроил тебя?

– Искрен, Искрен, иди домой, друг мой, – произнес Святозар, и, приподняв с подушки голову, кивнул ему. – Иди домой, и спасибо тебе...

Искрен не менее наследника взволнованный встречей с правителем, низко поклонился им обоим и поспешил выйти из покоев друга.

– Отец, прошу тебя..., – начал было Святозар, лишь за Искреном закрылась дверь.

– Мальчик мой, успокойся. Завтра мы с тобой обо всем поговорим, а сейчас давай я прочитаю заговор, чтобы хоть как-то снять боль и ты уснешь, – тревожно заметил правитель и трепетно провел рукой по чуть вздрагивающей больной ноге сына.

– Нет, отец, этот разговор я все время откладываю, – наследник порывисто сел, оперся спиной о спинку ложа. – Откладываю, потому как вижу, что боль от потери Эриха, не покинула твою душу, и терзает ее. Но, я, отец... я хоть и ранен, но я не мертв... я жив... Жив, а значит должен бороться за себя, за свое здоровье, свое счастье. Я, прошу тебя, ну не можешь ты смотреть как мне тяжело, не смотри, но не заставляй меня скрываться, и делать, что-то за твоей спиной. Позволь мне лечить себя так, как я чувствую. Позволь, прошу тебя.

Святозар сызнава лег, вытянулся, и, закрыв глаза, застонал. Правитель сидел рядом, посмотрел в искаженное от боли лицо сына, и, погладив его по волосам и лбу, начал тихо шептать заговор, стараясь хоть как-то уменьшить боль. Ярил дошептал заговор до конца, а когда черта лица наследника слегка расправились и он открыл глаза, тихо сказал ему:

– Прости меня, мальчик мой, что по моей вине ты так мучаешься, прости меня. И конечно, сынок, если ты считаешь, что только так сможешь победить свою хворь, то, я, не стану противоречить тебе.

С того самого вечера, отец, как и обещал, не стал более запрещать сыну выходить на двор в мороз, он разрешил помогать наследнику слугам, наставникам и Стояну. Но Святозар в душе все же обиженный на всех тех, кто ему отказал в помощи, еще весьма долго выходил на двор лишь в сопровождении Искрена.

Глава четвертая

В последующие годы жизни, Святозар научился справляться и подавлять в себе волнение, и постепенно приучил ногу к холоду так, что мог себе позволить в зимнюю стужу доехать до дома Стояна.

Лишь дважды за эти годы наследник не смог справиться с волнением и оба эти раза случились именно в этом году.

Первый раз это произошло в середине первого месяца червеня, когда наследник, правитель, Храбр, Стоян и ближайшие друзья Святозара и Ярила приехали в Новыград, чтобы засватать Любаву дочь старшего воина-ладейника Путята.

Велислав, брат правителя и дядя наследника, принял их с огромной радостью в своем дворце. Наутро нарядно одетые Святозар, правитель, Велислав, Храбр и Стоян поехали к дому Путята. Но не доехав совсем немного до него наследник ничего не сказав поворотил Снежина обратно, а когда его наконец-то нагнали, то спрашивать и не пришлось ни о чем, потому что он еле сдерживал себя, чтобы не упасть с коня. Вернувшись во дворец, наследник с большим трудом спешил со Снежина, и только ступив на землю, потерял сознание. Два последующих дня Святозар тяжело болел так, что отцу пришлось не раз прошептать заговоры, чтобы снять жар и погасить боль.

Когда наследнику полегчало, в опочивальню к нему пришел Стоян, он придвинул к ложу сиденье и сев на него, посмотрел серьезным, внимательным взглядом на друга, и спросил:

– Ты, Святозар, что думаешь, она за тебя не пойдет?

Наследник сидел на ложе, опираясь спиной о его стенку и обняв подушку, глядел на Стояна:

– Не знаю... может и пойдет. Я просто, боюсь, что как только ее родители увидят, как я хромаю, сразу мне откажут. На, что им больной зять нужен... на, что их красавице Любаве больной муж нужен.

– Ну, никакой, ты не больной, это во-первых, – строго откликнулся Стоян и недовольно покачал головой. – И о таком юноше, как ты всякая дева мечтает. И красивый, и храбрый, сказанья про тебя сказывают, да как, никак наследник престола... Может, Святозар, она не та дева, какая тебе нужна? – спросил Стоян и зыркнул прямо в голубые глаза друга.

– Та... та... она та дева, – суетливо закивал наследник, все еще не выпуская из объятий подушку.

– Ты, уверен, что та? – переспросил Стоян и малеша нахмурил свой большой белый лоб. – Ты, то ее один раз видел.

– Это в этой жизни, – тихо заметил Святозар и смутился.

– Ах, да-к она выходит, твоей женой была, – Стоян понизил голос до шепота. – В той жизни, когда ты был Богомудром?

– Да, Стоян, она была моей женой, и звали ее Милана, – ответил Святозар, и, улыбнувшись, вздохнул.

– Кхе... кхе, – тотчас благодушно засмеялся Стоян. – И чего же ты тогда боишься? Раз она была твоей женой, то я уверен, чувствует к тебе тоже, что и ты к ней.

– Да, я не чувств ее боюсь, – принялся пояснять наследник, и, положил подушку на вытянутые ноги. – А того, я боюсь, что разволнуюсь и не смогу руки ее попросить. Да, свалюсь еще...

– Ну, а ты создай для нее чудо, сделай ей дар какой-нибудь, – молвил Стоян. – И все время думай об этом светлом подарке для нее и тогда, не станешь волноваться.

Святозар, услышав предложение друга, на малеша задумался, замер в напряженной позе, обхватив пальцами подушку за топорщившиеся углы, а посем молниеносно сбросив ее с ног, радостно вскрикнул:

– Точно, точно, ты придумал, Стоян. Дар мне надо создать для нее, чудо... Поддай мне скорее рубаху и штаны.

– Чего? – не понял друга Стоян, с беспокойством уставившись на него.

Наследник вскочил с ложа, и, взяв с табурета лежащую там рубаху, принялся одеваться, а так как Стоян не двигался не сводя с него своих серых лучистых очей, добавил:

– Мы поедим на базар, я куплю ей дар и так... так... красиво его подарю. Ну, чего, ты, сидишь? Поднимайся, и поддай мне пояс, он висит на спинке твоего сиденья.

Святозар быстро оделся и в сопровождении Стояна вышел из покоев, да направился в гридницу, где сидели отец, Велислав, Храбр и Бажай, старший дружины дяди.

Наследник, немного прихрамывая, открыл дверь и вошел в залу. Правитель, увидев сына, торопливо встал из-за стола и взволновано спросил:

– Мальчик мой, что-то случилось?

– Да, отец, – подходя ближе, заметил Святозар. – Дай, мне, пожалуйста, деньги.

– Деньги? – переспросил правитель и недоуменно глянул на стоявшего позади сына Стояна. – На, что тебе деньги?

– Отец, я объясню тебе потом, – ответил наследник. И так как правитель никак не отзывался, усмехнувшись, добавил, – ну, ты дашь мне деньги или мне у дядюха попросить?

– погоди, я схожу в опочивальню возьму, – улыбаясь, сказал правитель, и, несильно похлопал сына по плечу. – А сколько тебе дать? – спросил он, миг спустя.

– Побольше, отец, побольше, – присаживаясь на лавку и вытягивая ногу вперед, ответил Святозар.

Правитель участливо оглядел сына, слегка покачал головой и все еще улыбаясь, пошел вон из гридницы.

– И, куда ты собрался с деньгами? – поинтересовался Храбр, крепкого сложения мужчина с темными едва тронутыми сединой волосами, бородой и усами, сидевший за столом напротив Святозара и Велислава.

– Мы со Стояном поедим на базар, – пояснил наследник, зыркнув прямо в темно-серые очи наставника.

– Ха... ха... ха..., – беззаботно засмеялся Бажай, молодой, темноволосый с приветливым, светлым лицом старший дружинник Велислава и крепко стукнул ладонями о поверхность стола. – Ты, чего, наследник, собрался чем-то Путятя задобрить?

– Нет, Бажай, – улыбаясь, произнес Святозар, и так как в гридницу вернулся правитель, поднялся. – Путятя будешь задабривать ты, слушая его великие сказы, про победу наследника над царем Черномором. А, я, буду задабривать мою будущую жену так, как последнее слово за ней.

В гриднице все громко засмеялись, а правитель довольный тем, что сын в таком хорошем настроении, подошел к нему и протянул два увесистых мешочка полных серебряных монет, спросив:

– Этого хватит, мальчик мой?

– Да, отец, хватит, – молвил Святозар, принимая деньги у правителя. – Отец, я и Стоян идем на базар, мы скоро вернемся, поэтому ты не тревожься за меня. Я хромать не буду, потому что волнение в моей душе улеглось.

Святозар кивнул Стояну и юноши вместе покинули гридницу, что-то громко обсуждая меж собой. Наследник, какое-то время спустя вернулся с базара в весьма приподнятом настроении. А наутро все так же радостно улыбаясь, наконец, доехал до дома Любавы.

Не успели они спешиться с коней, как навстречу к ним из дома выскочил Путят, он поклонился правителю, поздоровался с Велиславом и Храбром, а засим крепко обнял наследника и Стояна, как старых друзей. Путят, старший воинов-ладейников, когда-то сопровождал Святозара в поисках страны Беловодья командую ладьей, то был крепкий, дородный и уже пожилой муж с густой темно-рыжей бородой, длинными усами да волосами цвета налитой пшеницы.

– Ну, что, давайте в дом, – широко улыбаясь, и потирая свою темно-рыжую бороду, добавил Путят.

– Мы к тебе, Путят, по важному делу, прибыли, – серьезным, строгим голосом заметил Велислав, и глянул на старшего ладейника так, что у того с лица сразу сползла улыбка. – Потому в дом войдут лишь правитель, наследник и я, а Храбр и Стоян подождут снаружи. И будь добр позови жену.

Путят слушал Велислава с интересом, затем перевел взгляд на Святозара и оглядел его с ног до головы, словно видел впервые и оценивал, еще мгновение он задержался, воззрился на стоявших Стояна и Храбра, и, кивнув воеводе и правителю повел их в дом. Наследник пошел следом за отцом, неспешно поднялся по широким ступенькам, и, остановившись на крыльце, обернулся. Стоян и Храбр неотрывно смотрели на Святозара, а узрев сызнава объявленное его волнение, ободряюще закивали головами.

– Помни, друг мой, про свой дар, – произнес Стоян.

Святозар улыбнулся в ответ и ощутив установившуюся, внутри его лазурной души уверенность, смело вступил в дом Путяты. У старшего воинов-ладейников был большой сложенный из срубленных и обтесанных дубовых бревен дом. Он был широким и высоким снаружи и точно таким же внутри. Небольшие сенцы привели наследника в длинный коридор, который плавно переходил в деревянную лестницу, ведущую на второй этаж. В правой и в левой стене коридора находились двери. Одна из дверей была распахнута, Святозар на морг задержался подле нее, глубоко вздохнул, вспомнив о своем даре, и вошел в комнату, служившей семье столовой.

Посередине комнаты стоял широкий овальный стол, накрытый белой скатертью вышитой по краю затейливым узором. С двух сторон от стола были установлены лавки, укрытые легкими белыми укрывалами. Сквозь два больших прямоугольных окна, занавешенных голубоватыми, тонкими занавесками в комнату вливался солнечный свет. Правитель, подошедший к столу, тревожным взглядом обозрел сына, а когда увидел, что Святозар довольно улыбается, сел рядом с братом. Наследник подошел к отцу и сел, справа от него, как и Ярил, он, положил руки на стол, и, кашлянув, точно прочищая горло, спросил:

– А, где, Путят?

– Наверно пошел за супругой. И видно сразу, как он недоволен твоим появлением, братанок, – усмехнувшись, отметил Велислав высокий, рослый мужчина, совсем не похожий на своего брата правителя ни внешностью, ни складностью, ни цветом густых светло-пшеничных волос, бородой и усами.

– Брат, помолчи, не надо, чтобы Святозар, волновался, – сердито окликнул его правитель. А после нежно погладил сына по спине и добавил, – ты, мальчик мой, главное не тревожься, все будет хорошо. Ну, какая дева откажет такому пригожему молодцу?

– Ага, отец, ты прав, какая дева откажет молодцу, который почасту скачет на одной ноге, – засмеявшись, ответил Святозар.

В комнату бодрой походкой вошел Путят, а следом за ним вошла, словно вплыла его жена. Это была высокая, не полная женщина, белолицая, с темно-кариими глазами, длинными рыжими волосами, едва тронутыми сединой, аккуратно уложенными на голове в виде большой ракушки. Наследник лишь глянул на нее, как сразу смекнул от кого унаследовала свою красоту его Любава.

Правитель, Велислав и наследник встали и обменялись поклонами с женой Путята. А мать Любавы посмотрела на Святозара, да так обнадеживающе улыбнулась, что всякие сомнения в том, что он может быть здесь не люб пропали.

– Это ваша светлость, – обратился к правителю Путят. – Моя супруга Вера.

– Здравствуйте, ваша светлость, – вновь поклонившись, молвила Вера. – Здравствуйте, ваша милость, наследник престола. Здравствуй воевода.

– Ну, что присядем, – предложил Велислав, оный меньше всех волновался, и взял на себя право вести разговор.

Все последовали указанию воеводы и опустились на лавки так, что Путят и Вера оказались как раз напротив Велислава, правителя и наследника.

Правитель положил руки на стол и обратился к родителям Любавы:

– Ну, я думаю, вы, Путят и Вера уже догадались, зачем мы приехали с моим сыном к вам. Наследнику очень приглянулась ваша дочь Любава. И так как она не засватана, хочу я у вас попросить ее в жены моему сыну Святозару.

Путят сидел, также как и Ярил положив руки на стол и недовольно их осматривал, когда правитель замолчал и выжидающе воззрился на него, тот точно пробудился, перевел взгляд своих колючих зеленых глаз с рук на наследника, и покачав головой, ответил:

– Да-к, как же ваша светлость...

– Правитель, – спокойно отметил Ярил. – Давай Путят, без всяких светлостей.

– Ну, хорошо, – растягивая слова и всеми силами пытаюсь справиться со своей досадой, продолжил Путят. – Какое может быть сватанье, когда они виделись один раз, да и то мельком. Я твоего наследника, правитель, как сына люблю, но думаю, что он торопится... и нет там никакой любви, а так... А, про Любаву и говорить нечего, она как всякая дева, глянет на такого красавца, да знает она какие про него народ сказывала, да наследник он престола, и конечно не откажет. А время пройдет, поймет она, что ошиблась, что не люб он ей и вся жизнь, так впустую без счастья будет прожита.

– Ты, погоди, Путят, – перебил его Велислав. – Ты откуда знаешь, люба она ему, мил ли он ей? Может, мы его спросим, да ее позовем?

– Да-к, что ж спрашивать, воевода, – сердито глянул на воеводу Путят, точно хотел его сечь взглядом. – Я ж тебе сказал, она его мельком видела, как тут можно полюбить...

– Ну, я тоже, как свою жену увидел, так сразу и полюбил, – повышая голос, произнес правитель. – Ты, Путят, брат мой прав, за детей не решай. Раз мой сын здесь, значит она ему по душе. Так, что дозвожь, моему Святозару, твою дочь спросить, а она пусть ответит.

– Ничего, я такого позволять не буду, – буркнул в ответ Путят и опять устался на свои руки.

Наследник сидел, молча, и понуро смотрел на Путята, понимая, противоречивые чувства возникшие в душе старшего ладейника и его нежелание расставаться с младшей дочерью.

– Знаешь, Путят, – дюже гневливо проронил правитель, задетый за живое. – Ты, что же, считаешь мой сын недостойн твоей дочери? Ты думаешь я его меньше, чем ты свою Любаву, люблю? Ты, зачем пытаешься меня обидеть, зачем пытаешься его обидеть?

– Погоди, погоди, правитель, – вступила в разговор Вера. – Никого Путят не хочет обидеть ни тебя, ни тем более наследника, о котором он всегда лишь хорошее говорит. – Она смолкла, посмотрела своими карими глазами на правителя, затем улыбнулась, да так, что комната наполнилась спокойствием, сдерживая и успокаивая горячие головы мужчин. – Ты, Путят, не прав, ни тебе, ни мне за Любаву решать нельзя, то ее жизнь, и лишь она в ответе за свой выбор. Сходи, Путятюшка, позови ее. Знаю я, она уже изождалась своего Святозарушку.

Путят повернул голову, взглянул все также недовольно на жену, но под ее спокойным и чистым взором, внезапно широко улыбнулся, удивленно вздел вверх свои мощные, покатые плечи, и, поднявшись, вышел из комнаты.

Вера протянула руку ласково, по-матерински, погладила Святозара по лежащей на столе руке и тихо добавила, обращаясь к правителю:

– Она у нас самая махонькая. Он ее, Путят, больше всех детушек своих любит так, что не сердчай на него, правитель. Тебе-то хорошо, ты будешь рядом со своим сыночком жить, а ему больно не хочется расставаться с доченькой.

– Ну, – глубокомысленно протянул Велислав. – Может Любаве Святозар и не понравится, да она...

Но воеводе не дали договорить, на него с двух сторон так шикнули, правитель и Вера, что он благоразумно решил не продолжать и замолчал.

Вмале в комнату вошли Путят и Любава. И все кто был, в помещении поднялись. Святозар посмотрел на Любаву, которая за это время повзрослела и стала еще прекрасней, высокая, стройная, белолицая с ярко-зелеными глазами, нежными, алыми губами и длинными темно-рыжими волосами, заплетенными в не тугую косу. Любава, это сразу бросалось в глаза, ждала приезда наследника, потому как была обряжена в нарядный нежно-лазурный сарафан, и подпоясана золотистым пояском. Когда она вошла в комнату та точно осветилась ее красотой, Любава поклонилась правителю и воеводе, посем перевела взор блистающих зеленых очей на наследника и улыбнулась ему. Святозар шагнул к Любаве, и большая нога дрогнула, он покачнулся, но тут, же, как советовал Стоян, вспомнил о своем подарке и устоял.

– Любава, – подавляя в голосе волнение, молвил наследник. – Любава, я люблю тебя, с первого мгновения. С того самого мига, как много, много лет назад впервые увидел тебя. Мил ли я тебе, и пойдешь ли ты за меня замуж?

Любава сделала шаг вперед, протянула к Святозару руки и ответила, тихим певучим песенным голосом:

– Да, Святозар, я пойду за тебя замуж, потому что ты мне мил с первого твоего взгляда. Наследник опустил на правое колено, взял руки Любавы в свои и поднес к губам.

– Любава, – выдохнув, обратился к дочери Путят. – Но ты его видела один раз, и, то мельком.

– Ах, отец, – развернув голову к Путяту и бросив на него сердитый взгляд, заметила Любава. – Да, стоило мне глянуть в глаза Святозара, тогда четыре года назад, как я поняла, это он... он, моя вторая частичка на этой земле.

Святозар выпустил руки Любавы, тяжело поднялся, почти не опираясь на правую ногу, и слегка скривил лицо, но после глянул в наполненные светом и красотой глаза любимой и сказал:

– Любава, я хочу подарить тебе кое-что.

Наследник поднес к губам сомкнутую в кулак правую руку и, тихо шепнув, раскрыл ее. И тотчас, прямо из ладони, стал расти маленький зеленый побег. Он медленно утолщался в стебле и тянулся вверх... постепенно превращаясь в побег розы, с маленькими закругленными, чтобы не уколоть пальцы шипами, с плоскими, овально-вытянутыми зелеными листьями. Когда стебель достаточно вытянулся, став приблизительно в локоть высотой, на его верхушке начал образовываться маленький зеленый бутон, который также как раньше побег принялся расти и увеличиваться, а достигнув размера обычного бутона, внезапно затрепетал весь, вздрогнул. Погода маленькие зеленые листочки скрывающие середину раскрылись, и распустился прекрасный алый цветок розы, наполнивший комнату нежнейшим сладковато-медовым запахом.

– Это тебе, Любава, – улыбаясь и отдавая цветок в руки невесты, молвил Святозар.

Любава приняла алую розу поднесла к губам и поцеловала, и в тот же миг по стеблю и цветку пробежали маленькие искорки лазурно-золотистого света. Мгновение и стебель, и цветок покрылись лазурью, ярко вспыхнули и обратились в нежно-розовое жемчужное ожерелье, упавшее в ладонь Любавы.

– Ах, как красиво, – выдохнула Любава и с такой нежностью посмотрела на Святозара, что тот поставил больную ногу и оперся на нее, чувствуя, как всякое волнение и боль куда-то испарились.

– От же, наследник, – не выдержал стоявший позади Любавы Путят. – Ну, какая же дева после такого дара откажет тебе. Ах, до чего же ты мудрен.

– Ну, что ж Путят, – засмеявшись, откликнулся Святозар. – Это же, хорошо, что я такой мудрый. Значит, твоему внуку не предстоит родиться глупцом.

Когда Любава ушла из комнаты, в дом позвали Стояна и Храбра. Потому что Стояну, старшему дружины наследника, предстояло обговорить с Путятой и Верой, как он с друзьями будет сопровождать невесту Святозара в Славград, свадьбу решили назначить на начало второго летнего месяца грозника. Наследник успокоенный, что отказа не последовало, попрощался с Верой и Путятом и вышел из дома на двор.

Летняя пора стояла на земле. Солнце, поднявшееся высоко, жарко нагревало все кругом, мушки и пчелки летая, монотонно жужжали, занимаясь своей работой. Неспешно спустившись с лестницы Святозар остановился на последней ступеньке, и, любуясь чистым и ухоженным двором Путяты, обнесенным невысокой деревянной городьбой, радостно вздохнул.

– Почему, ты, так долго не приезжал, – услышал наследник, позади себя голос невесты.

Стремительно развернувшись Святозар увидел спускающуюся с крыльца Любаву, которая уже переделалась в легкий клинчатый розово-белый сарафан и надела себе на шею дареное ожерелье.

– Я ждал, когда ты вырастишь, – ответил Святозар, любуясь красотой невесты.

– Нет, я не говорю, об этих четырех годах, – пояснила Любава, и, наклонив голову на бок, оглядела наследника. – Ты, приехал в Новыград, четыре дня назад, а ко мне пришел только сегодня.

Святозар вздохнул и отвел глаза от невесты.

– У тебя болела нога, да? – догадливо спросила Любава. – И ты не смог, потому прийти? Святозарик, я все знаю... скажи мне. И не надо меня смущаться, я за это меньше тебя любить не стану.

– Я, знаю, это Любава, – уставившись на невесту и дотронувшись пальцем, до ее руки, лежащей на деревянных перилах, заметил Святозар. – Знаю, что ты не станешь любить меня меньше. Но просто, просто... мне неприятно говорить о том, что я иногда, словно цапля в воде замираю на одной ноге.

Любава задорно засмеялась, и, протянув руку, погладила наследника по волосам, и очень ласково сказала:

– Ах, Святозарик!.. Мне все равно похож ты на цаплю или нет, душа моя безраздельно связана с твоей душой. Это я поняла сразу, как только увидела тебя в первый раз. А, потом... потом Святозарик, мужчину только украшают шрамы, мне всегда так казалось.

– Но, благодарение ДажьБогу, мой шрам не будет видно, потому что он спрятан под штаниной, – произнес наследник, и оперся рукой на перила.

Любава не сводила любовного взора со Святозара, и, проведя пальцем по ветке белорозового ожерелья, улыбаясь, спросила:

– Святозарик, а откуда ты узнал, что я люблю жемчуг?

– Знаешь, Любава, – уклончиво ответил наследник. – Я тебя еще не раз удивлю, – он оторвал взгляд от лица невесты, и перевел его на Храбра, который только днесь вышел из дома, и, улыбаясь, по-доброму обозрел стоящих молодых.

Любава тоже заметила вышедшего наставника, и, приблизив правый указательный палец к своим губам, поцеловала его, а затем, протянула его к устам наследника, нежно коснувшись их. И будто весенний, легкий ветерок развернулась, быстро вбежала по лестнице и в миг исчезла в доме.

– Хороша, – проронил Храбр, спускаясь к наследнику. – Но только сразу видно, больно она строптивая. Гляди, Святозар, намучаешься ты с ней.

– Я? С Любовой? – усмехаясь, переспросил наследник. – Да, никогда, Храбр! Я знаю... я буду с ней счастлив.

– Ну, тебе виднее, – мудро заключил наставник. А немного погодя спросил, – правитель, прислал, меня, узнать как ты?

– Да, немного утомился, Храбр, – ответил Святозар, и, опустившись, сел на ступеньку. – Нога то болит, то проходит. Мне их обязательно надо ждать? Или можно во дворец возвращаться?

– Ну, если ты утомился, то я пойду, скажу правителю, что мы уезжаем во дворец, а то они еще, похоже, долго гутарить будут, – произнес Храбр. – Да, и Вера, их не отпустит, пока не накормит, так я понял.

– Хорошо, Храбр, сходи, скажи отцу, что я устал и уезжаю, а ты, если хочешь, останься, я доеду и сам, – сказал наследник и потер больную ногу, через штанину.

Храбр стоящий на ступеньках, как раз над Святозаром, узрев, что тот потирает ногу и болезненно морщится, торопливо добавил:

– Нет, никуда не уезжай, я поеду с тобой. Так и правителю, и мне будет спокойней.

Наставник ушел в дом, а когда вернулся, помог Святозару сесть на Снежина и сопроводил его до дворца. На следующий день правитель, наследник и други отца отправились в обратный путь в Славград. Стоян же и дружина Святозара к десятому грознику доставили невесту наследника и ее родителей в престольный град, а двенадцатого грозника сыграли свадьбу.

Любава, как и ведал Святозар, оказалась очень светлой и чистой девой. Она быстро нашла общий язык и подружилась с Туром, которому было пятнадцать лет и с Малушей, которой в вересене месяце должно было исполниться двенадцать. Любава внесла в дом женское тепло, какового долгие годы были лишены Тур и Малуша, радость и смех, беззаботность молодости и наполнила дворец жизненной силой. Не только наследник, но и правитель, увидев свет, исходящий от невестки, стал чаще улыбаться и смеяться. Святозар же был очень любим своей женой, и от этого весьма счастлив, и вместе с ним были счастливы и его отец, и брат, и сестра.

Глава пятая

К середине второго месяца листопада Тур, как и положено, в роду Богомудра, отправился на испытание в Сумрачный лес. К этому времени Тур вырос в красивого, рослого юношу, который прекрасно владел мечом, стрелял из лука, был великолепным наездником, и хорошо знал магию. Но, как, ни старался Святозар, обучая магии Тура, тот все же не стал подобен старшему брату, и этому было не потому что юноша был не талантлив, нет!.. просто Тур был ленив, и, выучив необходимые, как ему казалось заговоры, более не прилагал усилий, чтобы познавать новое.

Перед испытанием Святозар подарил Туру дар, когда-то полученный им от царя неллов: кольчугу, шлем, меч и щит, которые все это время бережно хранились, ожидая своего хозяина. Туру особенно понравился, искусно сделанный меч, рукоять одного венчал набалдашник в виде яблока с зеленым изумрудом внутри. Сама рукоять была увита растительным узором, а обоюдоострый клинок, безупречно заточен с двух сторон. Тур знал, что подаренный старшим братом меч становился его лучшим и вечным другом на долгие годы вперед, и был даже благодарен Святозару за его дар.

На испытание брата наследник не ехал, так как оставался в Славграде вместо правителя, и, конечно же, потому что с его ногой всякие поездки поздней осенью могли закончиться долгой болезнью. Перед самым отъездом Святозар обучил Тура заговору, при помощи которого брат мог вызвать лесных духов щекотуна и полуверца, похожих на опавшие бурые листья. Вместо рук и ног у тех духов были еловые шишки, а голова как переспевший желудь венчался маленьким золотым обручем. Эти два брата охраняли лесные клады в Сумрачном лесу. Однако вызванные заветными словами, духи открывали любой клад таковому человеку. Святозар объяснил Туру, какие надо сказывать слова, и о каком кладе попросить щекотуна и полуверца. Наследник хотел, чтобы младший брат нашел в лесу утерянный когда-то Эрихом меч деда Лучезара, по реклу Благородный.

Когда Тур вернулся после испытания с красным, малеша переливающимся древком и с найденным мечом деда Лучезара, то был необычайно горд и доволен собой.

На следующее утро, после возвращения с испытания, за трапезой в белой столовой, правитель поблагодарил Святозара за то, что тот не забыл про меч Лучезара, и попросил Тура разыскать его, создав для того заговоры.

– Мне помогала Вед, отец, – пояснил наследник. – Ее следует благодарить.

– Что ж, я непременно это сделаю, сегодня, сынок, – улыбаясь и принимаясь за еду, сказал правитель.

– Вот, молодцы, вы... А меня, отец, меня, который его разыскал, ты благодарить не будешь? – спросил Тур и изобразил на своем лице зараз негодование и обиду.

– Ох, да тебя, уже наверно и так, столько раз, тятя благодарил... столько раз, – заступилась за отца Малуша, очень красивая девочка с длинными, белокурыми волосами заплетенными, как и у Любавы в не тугую косу и с голубыми глазами, как у Святозара. – Ты, теперь будешь, Тур, от тяти вечной благодарности требовать.

Тур сидевший за столом по левую руку от отца, как раз напротив Святозара и Любавы, закатил глаза живописав страдания и муторно вздохнув, заметил:

– Эх, сестричка, если бы ты видела, как эти злобные щекотун и полуверец напали на меня, и давай щекотать.

Тур выставил вперед два пальца, сделав «козу», и двинул их на сидящую слева Малушу.

Но Малуша не долго, думая, так стукнула брата по козе, что Тур благоразумно убрал руку и поморщился.

– Я уже выросла из того возраста, когда ты пугал меня козой, – произнесла Малуша и гневно на него зыркнула.

– У, какая ты... ты только с Ратишей ласковая, да? – засмеявшись, поспрашал Тур и лукаво глянул на сестру.

Малуша нежданно густо покраснела, испуганно воззрилась на Любаву, точно ожидая от невестки защиты и поддержки. Но Тур не обращая внимания на многозначительные взгляды Любавы, уже вновь начал говорить:

– Вот, вспомнил, что вам хотел рассказать. Представляешь, брат, знал бы ты, что я видел в лесу.

– Оставь свои рассказы при себе, – ровным голосом молвил правитель, на морг прекращая есть. – Кого бы ты там не встретил, это твое испытание, и...

– Да, погоди, отец, что я, правда, не понимаю, – отозвался совсем по-взрослому Тур. – Тут совсем другое. Послушай и сам все поймешь. Я уже победил лешака и шел по лесу, и вижу поляну, а ней стоит избушка. Представляешь, Святозар, избушка на курьих ножках, из бревен сложена, тесом крыта, да, повернута к лесу передом, а ко мне задом, рядом на полянке маленькая покосившаяся банька. Ну, я подошел к избушке и говорю: «Изба, избушка! Стань по-старому, как мать поставила ко мне передом, а к лесу задом». А, избушка стоит себе, не шевелиться, будто мертвая. Ну, я обошел ее, поднялся по ступенькам, открыл дверь и вошел в избу. Там по правую сторону стоял деревянный стол, накрытый чистой скатертью, а слева высилась большая печь, лавка около печи, да прялка. И видно, что в избе давно уже никого нет. Вышел я из избы, дверь аккуратно прикрыл, и слышу, вроде из бани стон идет, прислушался и верно, кто-то там плачет, да причитает. Я, тогда, поспешил к бане, вошел и узрел на полке сидящего баенника, жену его не менее привлекательную баенницу, да двух их сынков. И все весьма громко рыдают. – Тур прервался, сделал серьезное лицо и продолжил, – я у них спросил, что за беда случилась с вами, почему плачете. А они погода утерли свои маханькие глазки и ответили мне, что у них горе... Хозяйка их Баба Яга умерла, и теперь они остались...

– Умерла? – перебив брата, звонко выкрикнул Святозар, и лицо его болезненно дрогнув, исказилось. – Ты сказал, умерла?

– Да, Святозар, они сказали, умерла. Брат, что с тобой, ты так побледнел? – взволнованно молвил Тур.

Святозар тяжело поднялся с сиденья, и, покачиваясь, оперся руками о стол:

– Ты сказал, умерла? – словно не понимая слов Тура, вновь переспросил наследник. – Умерла?

Тур перевел недоуменный взгляд на отца, потом нанова посмотрел на Святозар, и весьма тихо добавил:

– Ну, ты, чего, правда? Я же сказал, умерла, ты ее знал, что ли?

Святозар оторвал руки от стола, закрыл ладонями лицо, и громко застонав, упал, потеряв сознание.

Наследник очнулся на своем ложе, нога так болела, что хотелось кричать, но еще сильнее болела душа. Любава сидевшая на ложе, подле мужа, нежно гладила его по волосам, а увидев, что он пришел в себя, подавила в голосе дрожь и тихо спросила:

– Святозарик, что с тобой? Что с тобой, голубь мой сизокрылый, свет души моей. Ты так нас напугал, особенно отца, он сам не свой. Роденький мой, это Баба Яга, ты ее знал?

– Ах, Любава, не спрашивай меня, не спрашивай, – замотав головой, ответил наследник, и лицо его перекошилось от боли. – Позови отца, пусть прочитает заговор.

Любава кивнула головой, и, встав с ложа, поспешила из покоев, а лишь за ней закрылась дверь, наследник схватил рядом лежащую подушку, положил ее на лицо, и, прикусив край зубами, застонал. Вскоре в опочивальню вошел правитель, приблизившись к ложу наследника,

он снял с лица сына подушку, и, присев подле его вытянутой больной ноги, встревожено спросил:

– Болит, мальчик мой? – да, так и не дождавшись ответа, приподнял портки, и принялся шептать заговор над рубцом. – Сынок, – обратился он к наследнику, увидев, как лицо Святозара посветлело. – Я не понял, почему ты так разволновался из-за смерти Бабы Яги? Все мы, мальчик мой, смертны. Ты хотя и знал ее, но не был ей близким человеком, так стоит ли...

Но Святозар перебил правителя, и, стукнув кулаками по ложу, громко закричал:

– Отец, отец, замолчи!.. Ты не знаешь, не знаешь, кто она мне. – Наследник смолк, глубоко выдохнул, и добавил, – она, отец, моя дочь... Понимаешь моя дочь, мой первый ребенок на этой земле.

– Твоя дочь? – удивленно переспросил правитель, и, увидев, как сын кивнул в ответ, внезапно поднялся с ложа и быстрым шагом вышел из покоев.

Святозар приподнявшись на ложе, сел и уставившись на закрывшуюся за Ярилом дверь, тревожно прошептал:

– Отец, отец, куда, ты? Вернись, мне надо с тобой поговорить.

Но наследник зря волновался, потому как отец вернулся через мгновение и принес в небольшой глиняной мисе согревающую мазь. А вошедший вслед за ним Борщ принес кувшин с горячим молоком.

– Борщ, – обратился правитель к слуге. – Скажи жене наследника, чтобы она не тревожилась, я поговорю с ее мужем, успокою его, и она к нему вернется.

– Хорошо, ваша милость, – суматошно ответил Борщ и незамедлительно покинул опочивальню.

– Отец, – прошептал наследник. – Дочь она моя...

– Но, как это может быть? – спросил правитель, и, приподняв портки, принялся растирать ногу сыну мазью.

Святозар, молча, наблюдал за правителем, который мазал ему ногу, словно обдумывая, что-то или припоминая, а когда Ярил опустил портки прикрыл его укрывалом, и подложив под спину сына подушку, сел рядом, с трепетанием в голосе начал свой сказ:

– Помнишь, я, тебе рассказывал, что в первой своей жизни любил Богиню? – отец кивнул головой. – Я полюбил не просто Богиню, а проводницу душ Бурю-Ягу-Усоньшу-Виевну. Первый раз мы увиделись, около ворот Ирий-сада, а посем когда я вернулся в Явь, она стала ко мне приходить... Когда она сказала мне, что у нас будет дитя, я предложил ей выйти за меня замуж, но она смеялась... Смеялась и говорила мне, что я сам дитя еще, и, что не стоит ей такой много знающей и много видящей Богине, выходить замуж за ребенка. Но погода она задумалась и сказала, что если я принесу ей кольцо Бога Камы, то так и быть выйдет она за меня замуж. Ты, знаешь, отец, что я вместе с ДажьБогом отправился на поиски кольца... А когда вернулся к ней, она... она вышла замуж за Бога Велеса. – Святозар прервался, муторно перевел дух так, словно каждое сказанное слово жгло ему рот. – Отец, кто я и кто она... Но ДажьБог заставил ее прийти ко мне и поговорить. Я протянул ей кольцо, а она правильно говорил ДажьБог... она всегда была изменчива, сказала мне, что она замужем. Я рассердился и выкинул это кольцо, а ее спросил: «А мой ребенок?». Она засмеялась, ответив: «Ребенок, твой ребенок? Ах, Святозарушка, ты и сам как ребенок. Твой отец ДажьБог сразу не сможет воспитывать двоих. Так, что нашего дитя буду воспитывать я». Впрочем когда моя дочь родилась, Бог Велес принес мне ее. Я посмотрел в светлое лицо Бога, который волей Бури стал моим соперником и произнес: «Она же решила, что сама будет воспитывать ребенка». А Велес почему-то сердито зыркнул на меня и раздраженно молвил: «А она передумала, Святозар... передумала... Вот она такая... такая, то одно говорит, то другое. Уж слишком она изменчива, ты не замечал?»

Наследник замолчал, он тяжело вздохнул, справляясь с волнением, и засим продолжил:

– Я назвал ее Дареной. Мои божатые к тому времени умерли, а Дарене кроме отца нужна была мать. Тогда я взял в жены себе дочь Богумира и Славуну Травяню. И мы вместе с ней стали растить мою, вернее нашу дочь, Дарену, а затем наших сыновей. Дарена была такая светлая девочка, и выросла в такую же светлую, чистую и необычайно красивую деву. Сын моего друга полюбил ее и просил стать его женой, но дочь ответила ему отказом. «Почему Дарена, ты не хочешь выйти замуж за Будимира, ты его не любишь? – спрашивал я ее. «Люблю, отец, так люблю, что дышать без него трудно», – отвечала она. «Тогда, я тебя не понимаю, почему ты ему отказала?» – не унимался я. «Да, потому, отец, я ему отказала... потому как люблю его больше жизни... Жизни, которая у меня будет не такая как у тебя и Будимира, не такая как у всех. Помнишь, что сказал тебе Бог Велес, когда отдавал меня, что из-за бессмертия матери, буду я жить очень долго... так долго, что увижу смерть не только своих братьев, но и их далеких потомков».

Правитель налил сыну молока из кувшина, и, подавая чашу, спросил:

– Ты, ей рассказал об этом?

Святозар взял чашу, отпил из нее немного молока, и, пристраивая ее на вытянутых ногах, пояснил:

– И да, и нет... Когда Велес ее отдавал, он все мне поведал, а она знаешь... хоть и была младенцем, все запомнила. Когда же она подросла и научилась говорить, так все и спросила. Я хотел было пока ей не сказывать ничего, но она умела так глянуть, что по неволе ничего не скроешь... Когда она отказала Будимиру я ее долго уговаривал, говорил, что она не разумно поступает, что у нее могут быть дети, внуки, говорил, что она увидит правнуков и праправнуков... А она плакала и отвечала: «И всех, всех, отец, я буду хоронить...» Не было, отец, тех слов, которые могли ее переубедить. Ни я, ни Травяня ни смогли их найти. Помню, последний наш разговор, я сказал ей... что придет время и ты, Дарена, умрешь, и ежели у тебя не было мужа, детей, внуков, то кто тебя встретит в Ирий-саду? А она обняла меня, поцеловала, посмотрела своими небесно-голубыми глазами на меня и ответила: «Меня там встретишь ты, отец, и мать моя, Травяня». – Святозар смолк, провел пальцем по краю чаши, отвлекая свои мысли и стараясь справиться с душевной болью, да тихо добавил, – ах, девочка моя!.. Как же ты была не права... ни я, ни Травяня тебя там не встретят, не кому тебя там встретить... не кому... одна ты там будешь... одна.

– Почему, сынок, ты думаешь, что она там будет одна? Может, Дарену, все же встретит Травяня, – стараясь успокоить наследника, проронил правитель.

– Отец, разве ты не понял? – изумленно воззрившись на правителя, молвил Святозар. – Травяня-это Любава, она здесь со мной. Не кому встретить Дарену, не кому... Мои сыновья не понимали ее, они не принимали выбор Дарены. Мой старший сын Боголюб и вовсе осуждал ее. А так как он был очень сильным, храбрым и достойным мужчиной, который имел жену и много детей, то и люди живущие рядом стали осуждать Дарену... Да, будто не могли они ей простить, что по ее вине уехал и пропал бесследно Будимир, оно как жить без нее он не хотел.

Святозар затих, отдал чашу с молоком отцу, лег на ложе, и, обняв подушку, добавил:

– Не кому, отец, ее встретить, там, не кому... И разве может такой человек попасть в Ирий-сад? Человек, который творил добро, но не оставил после себя никакого следа на земле, вроде бы жил... а вроде бы и нет.

– Я, думаю, мальчик мой, Дарена обязательно попадет в Ирий-сад, – сказал правитель, и, поставил чашу на коротконогий стол, примостившийся подле ложа. – Ведь, ты забываешь, что там Дарену может встретить ее мать Буря-Яга-Усоньша-Виевна.

– Да, какая, она мать, отец... какая... – возмущенно произнес наследник. – Травяня мать Дарены. Травяня... она ее любила, растила, целовала и учила. Это она, Травяня, жалела и заступалась за Дарену, она мать... А Буря ни разу, ни разу к ней не пришла...

– Но ты рассказывал мне после возвращения с Ирий-сада, что Буря-Яга разрешила тебе вернуться, по просьбе Дарены, – произнес правитель.

– Да, она, опять наверно... – поморщившись от боли и дернув ногой, заметил Святозар. – Ах, отец, она так изменчива... не только телесно, но и духовно... Она может сходить в Пекло. Она может бывать в Ирий-саду. Она живет в Яви. Буря-Яга может сказать, принеси мне кольцо, а после может отказаться от этого дара и от этих слов. Знаешь, я уверен, Буря придумала все про Дарену, и ничего моя дочь у нее не просила. За меня заступился ДажьБог, он уже это делал, я же тебе рассказывал о том случае. И в этот раз, я помню, что когда был на границе двух миров, Буря повернула голову в сторону скошенных полей и сказала, точно обращаясь к нему, а не ко мне, сказала, что ДажьБог просил за меня. Он, наверно, стоял где-то там и ждал моего выбора, ждал, чтобы я не ошибся, и вернулся в Явь, чтобы исправить все. А зная Бурю как изменчивую особу не уходил, тревожась за меня. – Наследник вновь сел, и не зная как пристроить ногу, чтобы она не болела, положил ее сверху на укрывала. – Когда я умер, то следом умерла Травяня, а Дарена ушла в Сумрачный лес, и жила там одна, она ни с кем, ни встречалась из людей, покуда... Покуда не позволила зайти к ней в гости Богомудру, когда тот по велению ДажьБога пришел за древком. Я помню, тогда, почувствовал к ней такое тепло, такую нежность. Но я еще не познал свою душу, а она меня не узнала, хотя я уверен, тоже, что-то почувствовала. Много позже когда я Богомудром побывал в Беловодье, познал свою душу и привел своего сына Лучезара к Сумрачному лесу, чтобы он прошел испытание, то я создал белого лебедя и послал его вглубь леса. Он кружил над лесом и звал Дарену, но она не вышла... она не признала во мне своего отца... А ведь именно она создавала белого лебедя, который приносил мне от нее вести, когда я был в походах, в той первой моей жизни... И когда я пришел к ней шесть лет назад, все повторилось, мои чувства, ее доброта и тепло. И опять мы не узнали друг друга... Если бы у меня не болела нога, отец, я поехал бы в Сумрачный лес с Туром на его испытание и сызнова повторил попытку вызвать Дарену... Я так хотел с ней поговорить, но не так, как говорил с ней отрок, а как бы поговорил с ней ее отец... А теперь... теперь... время упущено... упущено отец... Что и главное кто ее ждет в Ирий-саду? – Святозар провел рукой по лицу, и надрывисто задышав, дополнил, – душно мне, отец, душно.

Правитель протянул руку, потрогал лоб сына, затем помог ему лечь, и, поправив подушку, сказал:

– У тебя жар... погоди, я прочитаю заговор.

– Заговор, не поможет, отец, – застонав, ответил Святозар. – У меня так болит душа, что нет надежды, что пройдет боль в ноге.

– Мальчик мой, возьми себя в руки, – очень мягко обратился к нему правитель. – Ты должен перестать волноваться, и успокоить себя. Твоя жена так расстроена и напугана, она впервые такое видела... Она знала, что у тебя болит нога, но, что от боли ты можешь потерять сознание, этого она не ведала... Когда ты упал в столовой, она так закричала, что я и Тур не знали к кому броситься на помощь и кому она нужнее тебе или ей... Прошу тебя, сынок, не ради меня, но ради Любавы, умири боль в своей душе, ведь все равно уже ничего не поправишь, в жизни Дарены.

– Да, отец, ты как всегда прав, как всегда... и я постараюсь, – закрывая глаза от боли и заскрипев зубами, добавил Святозар. – Постараюсь... Но ты только, отец, ни кому, ни говори о том, что я тебе поведал, особенно Любаве.

– Конечно, мальчик мой, я что ж, не понимаю... – кивнув головой, откликнулся Ярил. – Я скажу им, что Баба Яга, помогла тебе в твоём испытании и спасла от смерти Эриха, и этого им будет достаточно.

Правитель замолчал и принялся шептать над сыном заговоры, а когда жар с тела Святозара спал, и боль немного утихла, негромко сказал:

– Мальчик мой, Тур, поведал мне, что он принес семью баенника с собой, так как там в лесу, им грозила смерть. Ведь выйти из леса они не смогли бы без приглашения на новое место жительства. Может когда тебе станет легче, ты с баенником поговоришь? Да, надо бы подумать, куда их поселить?

– К Искрену, отец, – немедля отозвался наследник и открыл глаза. – Искрен уже достроил баню, он два дня назад приезжал, и звал меня поглядеть ее... Отец, будь добр, пошли к нему, Тура и попроси, чтобы он не приглашал духов в баню, погодил... Я сам привезу ему духа.

– Хорошо, сынок, – согласился правитель. – Я сейчас же пошлю Тура к Искрену, а ты пока поспи... – отец поднялся с ложа, прикрыл сына укрывалом и бесшумно вышел из покоев.

Лишь только за правителем закрылась дверь, Святозар сомкнул глаза и вспомнил, лицо своей дочери Дарены, маленькое светящееся личико младенца, светлое и чистое лицо отрока, необыкновенно красивое, молодое лицо девы и старое, едва тронутое морщинками лицо старухи, и громко застонал. В покои вошла Любава, она приблизилась к ложу, села подле, и, обняв своего мужа, заплакав, зашептала:

– Любый мой, любый, свет моей души, счастье мое, жизнь моя, нет ближе тебя у меня никого... Как ты меня напугал, как ты меня напугал... Милый мой, если бы с тобой, что-то случилось, я бы задохнулась в тот же миг, в то же мгновение.

Святозар порывисто сел и притянув Любаву, крепко прижал ее вздрагивающее тело к себе да успокаивая, принялся целовать в пахнущие цветами густые волосы.

– Ты, что радость моя, Любавушка, что ты? Да, со мной все хорошо, я просто разволновался, – сказал наследник и погладил любимую по длинной темно-рыжей косе. – Переволновался, вот и бабахнулся... Прости меня, в следующий раз прежде чем упасть, я тебе об этом доложу. Я так и скажу, Любанька моя, сейчас мне станет не хорошо и я упаду.

– Вот, Святозарик, – недовольно отстраняясь от мужа и утирая глаза, заметила Любава. – Иногда, я с отцом, согласна... шутки у тебя злые, – а после крепко поцеловала Святозара в губы и поднялась с ложа. – Спи, давай, голубь мой сизокрылый, я укрою тебя укрывалом и посижу рядом.

– Со мной будет все хорошо, не тревожься, – молвил Святозар, нанова укладываясь на ложе.

– Нет, отец, попросил, чтобы я тебя не покидала и тогда ты не сможешь думать о плохом, – она придвинула сиденье, укрытое легким ковром, к ложу и сев на него, взяла в руки пяльцы с вышивкой. – Отец сказал: «Ты, Любава, сядь напротив него, чтобы он, открывая глаза, видел тебя и радовался, и тогда он быстро поправится».

Святозар пролежал в ложе три дня, и все это время настойчиво вспоминал жизнь любимой дочери не в силах, что-либо исправить в ней. Отец наблюдая, как переживает сын, смерть Дарены, как из-за этого волнения, его мучает не только боль в ноге, но и попеременно возникающий жар или озноб, старался его успокоить и хоть как-то отвлечь. Любава не понимала, что случилось с мужем, но чувствуя, что его болезнь произошла неспроста, то целовала Святозара, то ругала, а, то и во все начинала плакать. Однако, что первое, что второе, что третье лишь сильнее расстраивало наследника и ему снова становилось хуже. Тогда правитель, для которого мученья сына были не выносимы, пригрозил Любаве, что если она еще раз расстроит Святозара, ему придется переселить ее в опочивальню наверх. Любава, сидевшая на ложе, около мужа и утирающая слезы, внезапно перестала плакать, поднялась, грозно посмотрела на правителя, и, оперев руки в бока, негодуя произнесла:

– Вообще-то, отец, я здесь его жена. И никуда от своего мужа не уйду... И пугать меня не стоит, потому что я не из пугливых.

Правитель, стоявший напротив Любавы, широко улыбнулся, и, глянув на засмеявшегося впервые за столько дней, сына, довольно добавил:

– Ну, вот и хорошо... Вижу я доченька, что ты не из пугливых, а теперь еще вижу, что и не из плаксивых... Поди-ка, девочка, принеси своему мужу горячего сбитня, чтобы он попил.

Любава смягчила свой взгляд, убрала руки с боков, и очень мягко спросила:

– Зачем, отец, ты меня опять выпроваживаешь?

– Хочу, твоему мужу, кое-что сказать, – также мягко ответил правитель.

– Хорошо, отец, – кивнув, согласилась Любава, и пошла к двери. Однако взявшись за ручку, остановилась, неспешно развернулась, да глянув с невыразимой нежностью на мужа, сказала, – Святозарик, я скоро приду, – затем открыла дверь и вышла.

– Мальчик мой, – обратился к наследнику отец, лишь только за Любавой закрылась дверь. – Как бы тяжело тебе не было, но я хочу, чтобы ты меня выслушал. Я думаю, что тебе необходимо, как можно скорее переговорить с баенником и может он поведает тебе то, что успокоит твою душу.

– Что, ты хочешь сказать, отец? – взволнованно поспрашал наследник и стремительно сел на ложе.

– А, то сынок, что Тур, когда был там, не видел тела Дарены... – пояснил правитель. – И может, мальчик мой, это неспроста.

– Ты, хочешь сказать, – начал было Святозар и нервно затеребил укрывало лежащее поверх ног.

– Я, ничего не хочу сказать, – заметил правитель, покачав головой. – Но я думаю, что тебе надо съездить с Туром к Искрену и отвезти баенника с семьей туда. А затем, когда Искрен поселит их в новом доме, ты сможешь все узнать... узнать, как это произошло и, что случилось с телом твоей дочери.

– Да, да, отец, ты прав, – растягивая слова, проронил наследник. – Ты, прав, надо все узнать у баенника...

– Тогда, сын, возьми себя в руки. Давай, я помогу тебе одеться, и дойти до гридницы, – подавая сыну, штаны и рубаху, молвил настойчивым тоном правитель. – В этом ложе, под плач Любавы ты изводишь себя беспокойными мыслями, а в гриднице мы посидим вместе с Храбром и Дубыней и поговорим, да ты отвлечешься.

– Ха... отец, – улыбаясь и натягивая через голову рубаху, произнес Святозар. – Ты, Храбра, для того и позвал, чтобы он грозно на меня глянул и, как тогда перед боем с Нуком, хорошенько встряхнул меня?

– Правильно, ты меня понял, – ответил правитель и помог сыну одеть на ноги чоботы, короткие полусапожки.

До позднего вечера Святозар сидел в гриднице, где его отвлекали от тяжелых мыслей разговорами отец и наставники, а наутро в сопровождении Тура поехал к Искрену в дом.

Искрен построил дом в деревне, недалеко от Славграда, в той же деревни, где жили его родители и Стоян с семьей. Искрен женился прошлой осенью и теперь его розовощекая, полноватая, с темно-пшеничными волосами жена, Златомира, ожидала ребенка.

Искрен, Златомира и Стоян встречали наследника на дворе. Святозар спешился, а когда младший брат Искрена Разумник взял коня наследника и Тура, поспешил к друзьям и поздоровался сначала с Искреном, потом со Стояном, да поклонившись, улыбнулся Златомире.

– Уж, мы вас заждались, наследник, – молвила слегка волнуясь Златомира. – Брат ваш Тур, который день как к нам приезжал и сказал, что вы привезете духов, а вас все нет и нет.

– Извини, Златомира, я просто болел, – ответил Святозар. А засим переведя взор на Стояна, обращаясь к нему, спросил, – а ты, чего здесь делаешь?

– Так приехал на духов посмотреть, – уклончиво пояснил Стоян.

– Не знал я Стоян, что ты духов можешь видеть, – усмехаясь, заметил наследник, и, покачал головой. – Небось, правитель тебя попросил, приглядеть за мной?

– Ну, да, правитель попросил, – смущенно пробурчал Стоян. – Попросил приехать и приглядеть за тобой. А то вдруг, у тебя нога разболится, что тогда Искрену делать?

– Уж, Искрен, лучше вас всех знает, что со мной делать, правда, друг мой, – молвил наследник и благодушно засмеялся. – Ну, а теперь, давай-те начнем, делать то ради чего я сюда и приехал. Тур. – Святозар повернулся к стоящему рядом брату и досказал, – дай мне, пожалуйста, узелок.

Тур торопливо расстегнул куртик и достал оттуда укрытый маленький ручник, собранный в узелок да передал его брату.

– В этом узелке. – Наследник положил узелок на ладонь, и, вытянул вперед руку. – Живет семья духов: баенник, баенница и два их сына лазника. Мой брат принес этих духов из бани, хозяйкой которой... – Святозар чуть зримо скривил лицо. – Была очень светлая, чистая и добрая женщина, которая никогда, никому ни делала зла. Она помогала людям, лечила их, защищала от зла. Искрен и Златомира хотите ли вы пустить этих духов в новую баню, которую вы построили?

– Да, наследник, – ровным голосом ответил Искрен, и поглядел на взволнованное лицо жены.

– Да, наследник, – вслед него проронила Златомира и кивнула мужу, успокаивая тем движением себя и его.

– Тогда, Искрен, пойдем к тебе в баню, – добавил Святозар. – Ты развяжешь узелок ипустишь в свою постройку духов, а я потом... потом с ними поговорю.

Искрен погладил жену по платку, каковой укрывал ей голову, взял ее ладонь, и, поцеловав, ласково улыбнулся, да показывая дорогу Святозару, повел его в баню. Искрен шел впереди, а Святозар немного прихрамывая позади. Обогнув дом справа, они вошли во внутренний двор, где у хозяйственной Златомиры на нешироком участке земли, уместилась не только баня, конюшня, сарай, овинник, но и небольшой садик, и огород, на оном все еще сидели несколько зеленых, здоровущих кочанов капусты. Огород у Златомиры был аккуратно убран, кочаны капусты сидели строго в ряд, ни одного листочка или травинки. Святозар остановился и оглядел огород, а улыбнувшись, спросил:

– Искрен, Златомира, тут, что ли подметала?

Искрен встал подле друга, горделиво посмотрел на огород и сад да довольным голосом откликнулся:

– Знаешь, какая она у меня чистюля... самая лучшая она у меня... Эх, Святозар, ни кому не говорю, а тебе скажу... – Искрен засветился весь и положив руку на плечо наследника, добавил, – у меня, друг, два сына будет... Два, представляешь... так бабки-повитухи сказали... два сына.

– Да, ты, что? – обрадовано переспросил Святозар. – До чего же это хорошо, Искрен, два мальчика, сразу... Это просто, прекрасно, друг мой, прекрасно. А, имена, ты выбрал им?

– Ага, Святозар, старшего назовем Будимир, а младшего Велимир, – закивав головой, ответил Искрен.

– Будимир, – повторил имя Святозар, и вспомнил, что так звали жениха Дарены. – Будимир, значит миротворец. Славное имя, для старшего сына, славное.

– Точно, Святозар, славное, и знаешь, мы так долго не могли выбрать имя... Младшего сразу порешили назвать Велимиром, – рассказывал Искрен и довольно потирал руки. – А старшему никак не выберем, то мне не нравится, то Златушке... Спорили... спорили... А на днях Златушка ночью проснулась, меня разбудила и говорит, что приснились ей наши дети, на руках она их качает и младшего величает Велимиром, а старшего Будимиром. Ну, и нам обоим, это имя так понравилось, так оно нам к душе стало, и решили, что лучше имя для старшего сына и придумать нельзя.

Святозар слушал даже внимательно друга, поражаясь тому, как странно прядет нити судеб Богиня Макошь, и, надсадно вздохнув, молвил:

– Ну, Искрен, давай, что ли приступим, а то я последние дни хворал сильно, и нога все еще болит, только и шепчем с отцом на пару над ней заговоры. А нонче и вовсе на дворе прохладно, не хочется, чтобы она опять ходить не захотела.

– Конечно, конечно, друг мой, пойдем, – все еще улыбаясь, поспешил ответить Искрен, и повел наследника к недавно построенной из круглых, рубленых бревен небольшой баньке, с двумя окошками.

Святозар и Искрен вошли в предбанник, где слева под окном стоял прямоугольный стол, да две лавки, а на стене напротив двери висели дубовые и березовые веники, да снопики сухих лечебных трав. Приятный, тонкий, травянисто-летний запах наполнял не только предбанник, но и парилку, дверь в которую находилась слева от входа. Искрен открыл дверь в парилку и впустил вовнутрь наследника. В парилке слева были установлены два широких полка, напротив двери стояли четыре, пузатые бочки для воды, а справа поместилась хозяйка парилки, здорovuющая печь-каменка.

– Хорошая баня, Искрен, – одобрил Святозар постройку друга, и передал ему белый узелок. – Возьми, и скажи, что положено.

Искрен принял узелок и торопливо присев на корточки, развязал его около каменки, да положив на деревянный пол, осторожно раскрыл края ручника. На середине ручника лежали четыре черных уголька, а прямо над ними, видимые только для Святозара, стояли четыре маленьких духа: баенник, вполовину локтя высотой голый старик, облепленный грязью, да листьями от веников, с длинными черными, растрепанными волосами и покрытой плесенью бородой; баенница, такая же, как и ее муж, голая, маленькая, с телом покрытым лишь березовыми листьями, длинными, до земли, черно-зелеными, распущенными волосами, и темно-зеленым, морщинистым лицом старухи; два сына баенника тоже голые, намного ниже отца и матери, с ежиными ногами и поросшими шерстью длинными руками, да черными лохматыми волосами.

Искрен поднялся с корточек, поклонился черным уголькам и сказал:

– Байнушко-хозяин бани, баенная матушка-хозяйка бани, да детки ваши лазники. Я, хозяин дома, хозяин построек, прошу вас к нам на новожитье! – Искрен вновь поклонился и добавил, – и как заповедано нашим великим Богом Велесом, храните и следите за вашим новым домом, за чистотой и порядком в нем.

В тот же миг, как Искрен сказал последнее слово, четыре уголька ярко вспыхнули и загорелись, это каждый из духов дунул на свой уголек. А когда они прогорели, оставив на белой материи черные дыры, духи сошли с ручника и низко, до земли, поклонились новому хозяину Искрену.

– Они кланяются тебе, Искрен, – пояснил Святозар. – И очень рады, что ты даровал им новый дом.

– Правда? – обрадовано спросил Искрен.

– Правда, друг мой, – ответил наследник, не сводя взора со счастливого лица друга. – Искрен, оставь меня на некоторое время одного, мне надо поговорить с баенником.

– Хорошо, – кивнув, проронил Искрен и немедля вышел из парилки сначала в предбанник, а засим на двор, да притворил за собой дверь.

Святозар горестно вздохнул, сел на полок, и посмотрел в черные бусинки-глазки хозяина бани, который растерянно стоял на месте и переминался с ноги на ногу, а его жена и дети, уже разбрелись по новому жилищу и принялись его осматривать, с удовольствием ощупывая стены, да заглядывая под печь каменку.

– Здравствуй, баенник, – обратился к хозяину бани Святозар. – Ты, меня узнал? – тот кивнул в ответ головой. – Садись рядом, – показывая на полку, продолжил наследник. – Ты наверно уже догадался, что мне надо поговорить с тобой.

Баенник подошел к полку и громко кряхтя залез на него да удобно усевшись, также как раньше наследник, тяжело вздохнул:

– Как она умерла, – тихо спросил Святозар, и уставился взглядом на каменку, не в силах взглянуть на баенника.

– Да, как... умерла, вот как! – всхлипнув, принялся пояснять баенник. – Рано утром встала, вышла на двор... солнышко только подниматься стало. Слышу я, она меня зовет: «Байнушечко, байнушечко!» Я выскочил из бани, а она светлая моя хозяйюшка, покачнулась, схватилась за грудь, глазоньки подкатила и упала, – баенник замолчал и заплакал. – Я подбежал к ней, подбежала баенница, заглянули мы ей в лицо, а она уже мертвая... э... э... э... э... э..., – рыдал баенник. – Глазаньки, глазаньки открыты, а сама еще теплая, теплая... а души уже нет... жизни нет..., – хозяин бани смолк, и, рыдая, утирал глаза, а Святозар услышал, как где-то за каменкой заплакала, запричитала баенница. – А потом, – продолжил, громко всхлипнув баенник. – Потом с неба упал золотой луч, и пришел по этому лучу Бог. – Хозяин бани повернул голову, тронул за руку наследника, и когда тот повернулся и посмотрел на него, добавил, – ты, похож на этого Бога, точно, одно лицо. Только у того Бога были серебряные волосы. Бог опустил на землю, взмахнул рукой, и из ладони его вылетела золотая молния. Она упала на тело моей Бабы Яги, и моя хозяйюшка ярко вспыхнула, и в тот же миг сгорела, осталось лишь пепелище. Бог наново взмахнул рукой, земля раздалась, и туда опустил тот кусок земли с пеплом от тела Бабы Яги, а засим земля сошлась. А Бог глянул на меня и сказал: «Баенник, когда ты увидишь юношу, который приходил в гости к твоей хозяйке и который похож на меня, скажешь ему следующее. Святозар, мальчик мой, не тревожь свою душу. Я, твой отец, встретил свою внучку в Ирий-саду, я как дед обнял ее и лобызал. Путь твой еще не пройден, он очень долог и труден, но ты должен идти по нему вперед, туда, куда я указал. А, я, мой мальчик, буду всегда рядом. Ничего не бойся, шагай смело, сын мой!» – Баенник замолчал, зыркнул с уважением на Святозара и спросил, – ты, значит, сын этого Бога?

– Я?... – словно не слыша вопроса хозяина бани, переспросил наследник. – Мы, байнушечко, восуры, все дети ДажьБога, он нас породил, когда-то на заре человечества.

– Нет, – замотав головой, заметил баенник, и тыльной стороной ладони утер глаза. – Он говорил о тебе как о своем сыне, а не как о народе, он говорил о Бабе Яге, как о внучке. Выходит, ты, был отцом Бабы Яги, когда-то очень давно?..

Святозар сидел, молчал, и крутил на пальце полыхающий белым светом перстень, да надрывисто дышал стараясь, справится с волнением.

– Ну, не хочешь не отвечай. – Баенник протянул руку, погладил наследника по спине и добавил, – я понимаю, как тебе тяжело... Она, моя хозяйюшка, всегда рассказывала о тебе, о своем отце с такой любовью, с такой нежностью... Все мечтала, что скоро увидит тебя и мать свою Травяню в Ирий-саду... а ты оказывается здесь в Яви... Охо-хо... А знаешь, как только Баба Яга умерла, сразу умерла все ее магия... Поляна открылась, в избе умер дух волшебства, который оживлял ее, погиб аука и манила с водилой, это же были ее духи... Духи, которые она создала, которые помогали заплутавшим людям и домашним животным выбираться из Сумрачного леса. Она создавала все таким веселым и добрым, а люди вечно все перевирали, все делали злым и страшным. Говорили, что манила и водила, да аука закладывает людям путь к родному дому, заставляя плутать, зазывают в глухую чащобу.... Ах, лгуны они, лгуны такие! – сызнава заплакав, запричитал баенник.

– Не плачь, байнушечко, не плачь, – наконец-то произнес Святозар и погладил хозяина бани по его мокрому, растрепанному волосам. – Она теперь в Ирий-саду, там со своим дедом...

А у тебя и твоей семьи новая жизнь, новый хозяин и хозяйка. И скоро в их семье будут дети, да не один, а два... а там кто его знает... Может, ты еще и увидишь Бабу Ягу.

– Увижу? – прекращая плакать, и изумленно зыркнув, сквозь слезы на Святозара, спросил баенник.

– Кто ж это знает... только Боги, – улыбаясь молвил наследник. – И может Богиня Макошь, уже начала пряхть нить судьбы моей дочери, и твоей хозяйки.

Глава шестая

Святозар встряхнул головой, освобождаясь от воспоминаний, которые точно мгновение промелькнули перед глазами, перевел взгляд с полыхающего огня в камине на правителя и спросил:

– Отец, что ты мне хотел днем рассказать про Тура?

– Да, уж я и не знаю, стоит ли, – ответил правитель и с беспокойством во взоре посмотрел на сына. – Не хочу, чтобы ты волновался.

– Ничего себе, не волновался, – в смятении откликнулся наследник. – Теперь давай, отец, рассказывай, а то я уже начался тревожиться. Что там опять наш Тур учудил?

Правитель нахмурил лоб, и, покачав головой, поинтересовался:

– Что ты имеешь в виду, говоря, что он учудил, опять?

– Отец, неужели, ты, думаешь, – усмехаясь, принялся пояснять Святозар. – Что я тебе всегда рассказываю, о всех чудачествах нашего Тура. Нет, отец, ты мне очень дорог, и поэтому я не собираюсь всякий раз расстраивать тебя теми чудесами, что вытворяет мой младший брат.

Святозар поднялся с сиденья, и, подойдя к столу, на котором стояли глиняный кувшин и две чаши, налил в них себе и отцу теплого сбитня. Неспешно возвернувшись обратно, стараясь не расплескать по пути сбитень, он подал одну из чаш Ярилу, а с другой направился к своему сидению и воссев на него пристроил больную ногу на табурет.

– Спасибо, сынок, – произнес с неподдельной теплотой в голосе правитель.

– За что, отец, спасибо? – не понял Святозар, и отхлебнул из чаши. – За сбитень или за то, что не все докладываю про Тура?

– И за то, и за другое, мальчик мой. Такой светлый ты у меня сын, радость и гордость любого отца, – благодарно взглянув на наследника, молвил Ярил и начал весьма медлительно пить сбитень.

Святозар улыбнулся в ответ отцу, и, быстро осушив чашу, поставил ее на пол возле сиденья.

– Так, что насчет Тура? – спросил наследник.

– Эх, сынок, такой он шалопай, наш Тур, – начал рассказывать правитель и покачал головой. – Приехал ко мне сегодня кузнец Братиша, и жалуется на Тура.

– Братиша? И жалуется на Тура? – удивленно переспросил Святозар и задорно засмеялся. – И чем же Тур ему насолил?

– Сын, ты хоть не смейся, погоди пока, – улыбнувшись, отозвался правитель и допив сбитень, также как и наследник, поставил чашу на пол. – Значит, Тур, как ты правильно заметил, все время пытается насолить Братише... Первый раз, это случилось в травне месяце. Братиша собрался поутру ехать в поле. Запряг коня своего в повозку, сел с сыновьями и только тронул поводья... как у повозки, внезапно все четыре колеса зараз вспыхнули ярким огнем, а затем отвалились.

Святозар теперь и вовсе грянул громоподобным смехом, и, довольно зыркнув на правителя, слегка покачнувшись вправо-влево, проронил:

– Вот, отец, небось, вид у них был, когда колеса от повозки отвалились, они все из нее повываливались, а конь от испуга, эту самую без колесую повозку и понес...

– А, ты откуда знаешь, что они вывалились, и конь повозку понес? – изумленно спросил Ярил и словно напрягся всем телом, при том крепко обхватив пальцами покатые края ручек сиденья.

Святозар узрев волнение правителя, тотчас перестал хохотать и став серьезным, ровным голосом пояснил:

– Да, я, отец, этот сказ от Тура и слышал. Он этот сказ не только друзьям рассказывал, но и Малуше, и Любаве, когда она только к нам приехала. Ну, а я случайно услышал. Однако, ты, отец, не беспокойся, я перед ним не смеялся. Видел бы ты, отец как я его ругал. Он уже был верно и не рад, что обмолвился при Любаве о той проделке.

– По-моему, эта злая шутка, тебе не кажется, сынок? – поспрашал правитель, и недовольно поморщил лоб, отчего на его ровной поверхности прорезались две глубокие горизонтальные полосы.

– Ну, отец, – благоразумно не улыбаясь, откликнулся наследник. – Шутка может и злая, но со стороны это было смешно... а уж как об этом сказывал Тур и того подавно. Но, наверно, это не все проказы Тура, раз Братиша пришел жаловаться?

– Да, правильно, ты догадался, не все, – коротко ответил правитель.

Ярил поднялся с сиденья и подойдя к правому камину, осторожно приоткрыл на нем одну из дверц да неспешно подбросил в глубины его каменного дна два полена, лежащих подле в аккуратной стопочке. Все также медленно и словно раздумывая он вернулся к сиденью и опустившись на прежнее место, немного погодя продолжил:

– Следующий случай был в середине грудня, выпал только снег и Братиша решил в лес за дровами с младшим сыном съездить, как он заметил, для того чтобы размять кости малеха. Запрягли в сани коня. Сели сами на сани, да только поводья тронули, как санные полозья стали расти и удлиняться, да настолько выдвинулись вперед, что как сказал Братиша: «Прямо бери и руби их». Конь стоит, испуганно ржет, сани тоже стоят, а полозья растут, да вперед тянутся и тянутся. Братиша рассердился, соскочил с саней, схватил топор и давай рубить полозья с одной стороны, а сын его принялся рубить их с другой стороны. Братиша говорит, что мы их отрубим, а они еще лезут... сызнава рубим, они вновь ползут. Так они махали, махали топорами, пока не выдохлись и не опустили их. И тут вспыхнули голубым светом полозья и те, которые на санях были, и те, которые они с сыном нарубили, и пропали.

– И на санях тоже полозья пропали, – улыбаясь, спросил наследник, с трудом сдерживая рвущийся из него смех.

– Да, мальчик мой, и на санях тоже, – и теперь уже засмеялся правитель. – Не хорошо, конечно, смеяться, но как я представлю себе лицо Братиши. Когда столько махали топором, так устали, а дрова-то и пропали, а с ними вместе и полозья на санях.

– Ну, что ж, отец, зато на славу они наверно размяли кости, – добавил Святозар и увидев, что отец смеется, и сам захохотал. – А, почему, Братиша решил, что это Тур?

– Сын, кроме тебя, меня и Тура магией в Славграде никто не владеет, – объяснил правитель, и утер тыльной стороной ладоней глаза. – Ясно сразу, что я и ты, мы не можем так шутить, значит остается Тур. Но то, что он сделал вчера вечером, это уже не шутка... – И правитель незамедлительно перестал смеяться, призвав и хохочущего наследника к серьезности. – Братиша вчера возвращался поздно вечером домой от старшего сына и внезапно на дорогу вышел медведь. Братиша сказал, что медведь так себе... небольшой был, но Братиша подумал, что это наверно не медведь, потому как они все спят, а скорее всего какая-нибудь нечисть... И тогда он вырвал из забора здоровый кол, да кинулся на медведя. Однако тот до этого шедший навстречу кузнецу, вероятно, струхнул, увидев длинный кол в его руках и припустился убежать. Братиша решил всё же догнать нечисть и воткнуть в неё кол и погнался за медведем. Но потом заметил, что медведь бежит, уж как-то не по-медвежьи, а больше по-человечьи, вот и не стал его догонять. А, сегодня Братиша с утра пришел ко мне и говорит... ну, то, что Тур балует и озорничает ничего, это он Братиша потерпит. Но то, что он обращается в зверей, да на празднике в честь Бога Велеса, пугает людей, это не хорошо... Потому как мужики не ведая, что это ни нечисть, а сын правителя могут его изловить и проучить.

– Ах, шатун, он такой, – отозвался Святозар, рассердившись не на шутку так, что голос его гневно дрогнул и лицо исказилось от волнения. – Да, как он посмел... Ох! же я ему

устрою... вот же оболтус... оболтус... – и он порывисто снял с табурета больную ногу подавшись весь вперед, словно собираясь не мешкая направиться к брату в покои.

– Сынок, ты, чего? – беспокойно поспрашал правитель, увидев, как покраснел наследник.

– Да, как же чего, отец... – взволнованно произнес Святозар. – Приходит, на днях ко мне Тур и говорит: «Брат, погляди шкура совсем плохая, совсем облезла, даже магия доброжила не помогает». Ну, я у него и спросил: «А я то тут причем?» А он, отец, отвечает, что ему де доброжил сказал, что я знаю заговор, который прочитав и надев даже негодную шкуру, можно стать не отличимым от зверя. «Святозар, скажи мне этот заговор, скажи. Стыдно, брат в этой шкуре перед девами выходить», – просил он меня. Но разве я думал, отец, что он вот так чудить начнет.

– Ну, ничего, ничего, мальчик мой, – заметил правитель, спокойным голосом, стараясь остудить разгоряченного Святозара. – Ты только не тревожься, да ногу протяни к огню.

– Отец, а где он сейчас? – спросил Святозар, да как и велел правитель положил ногу на табурет, немного поморщившись.

– Чего у тебя нога разболелась? – отвечая вопросом на вопрос, молвил правитель.

– Нет, нет, отец, нога не болит, это я рассержен очень на Тура, – добавил наследник и торопливо качнул головой желая успокоить Ярила.

– А, ну, хорошо, что не болит, – вздохнув, протянул правитель. Он сызнова поднялся с сиденья, взял кочергу, приткнутую к стене, да загнутым ее концом перевернул внутри левого камина полена не желающие разгораться. – Я бы тоже хотел его увидеть, сынок. Утром, как только ушел Братиша, я послал к нему Осьмушу. Тот погодя пришел, говорит, что не добудился, спит мол. Я послал Осьмушу в обед, он вернувшись, доложил, что не добудился, спит. Ну, а к вечеру я пошел сам. Да только его шалопая и след уже простыл. Я в коридоре встретил Осьмушу, спрашиваю, где Тур, а он плечами пожимает, не ведаю мол, наверно на гулянье уехал.

– То же мне, отец, нашел, кого посылать за Туром... Осьмушу... Он же хоть и слуга Тура, а такой же шалопай..., – негодуяще пробухтел Святозар и как допрежь того правитель, крепко обхватил пальцами покатые края ручек на своем сиденье. – Послал бы Борща или Вячко, это робята серьезные, а этот Осьмуша...

– Хороший он отрок, хороший, – заступаясь за слугу, сказал правитель, пошерудив угли и в другом камине. – Трудолюбивый, исполнительный, ну, а шалопай это так по юности, это пройдет... Вот же у Борща прошло, как женился на внучке Сенича Умиле, так и у Осьмуше пройдет.

– У Борща, – торопливо вступился за слугу наследник. – Оно то и было, что один раз. Да, и потом, я говорю о другом, отец. Он этот Осьмуша, сам, где поозорничать первым горазд. И я уверен, именно потому и Тура все время прикрывает.

– Ах, ты, мой мудрый сынок, да ты думаешь я, что ли не вижу этих сорванцов? – по доброму улыбаясь спросил правитель да прикрыв дверцы кочергой, подошел к сиденью сына и поднял его чашу.

– Отец, не надо, я сам унесу, – поспешно сказал наследник, намереваясь встать.

– Сиди, сиди спокойно. Тебе сбитня еще налить? – поспрашал правитель, направляя свою поступь к столу.

– Нет, отец, спасибо, – ответил Святозар, наново опускаясь на сиденье. – Знаешь, что, отец, давай я завтра приду в гридницу, и пошлем за Туром Вячко. Да вместе с ним серьезно поговорим о всех его проделках.

– Ну, нет, ты, начнешь говорить, переволнуешься еще, – возвращаясь с полными чашами сбитня, и подавая сыну одну из них, молвил правитель. – На, вот, попей лучше. Не надо, чтобы ты волновался, перед обрядом.

– Отец, даю слово, я не буду тревожиться, поверь мне, – принимая чашу и делая большой глоток, отметил наследник. – Но с Туром надо поговорить. Знаешь, почему он над Братишей такое творит?

– Нет, мальчик мой, не знаю, – удобно располагаясь на сиденье, и повернув голову к сыну, ответил правитель.

– А, потому, отец, что на маслянице Братиша тебе ухо разбил, – пояснил Святозар и отпил из чаши сбитня.

– Ну, это бывает, все же мы бились стенка на стенку, – благодушно улыбнувшись, отозвался правитель, все еще не отводя глаз от лица сына.

– Тур, очень тебя любит, отец, – с нежностью глянув на правителя, произнес Святозар. – Очень сильно, и он не может когда тебя кто-либо и как-либо обидит. Он с детства такой, весьма он в этом светлый юноша. . . . Знаешь, я тогда на маслянице, как увидел, что у тебя кровь хлещет, тоже хотел.

– Ухо разбить Братише? – усмехаясь, спросил правитель. – Я, сынок, и тебя, и Тура понимаю, вы мне тоже очень дороги. Но согласись, это не значит, что так можно шалить.

– Ну, оно само собой, – закивал головой Святозар. – Тогда, значит так, и порешим, позovem Тура и поговорим. И вот еще, что, завтра за мной придет Храбр, так мы его тоже позовем, чтобы он своего шалолая ученика поругал.

– Да, сынок, может ты и прав, может так и стоит поступить, но уж сделаем это после обряда, – не соглашаясь изрек правитель, и, задумавшись, начал пить сбитень маленькими глотками.

– Отец, после обряда, мне точно будет не до этого, потому как нога замерзнет и мне придется ее отогревать так, что поговорить надо с утра, – настойчиво сказал Святозар, наблюдая как пляшет огонь в камине поедая дерево. – Отец, ты только прикажи слугам затопить баню лишь мы с Любовой и Храбром уедем, хорошо?

– Конечно, мальчик мой, не тревожься. К твоему возвращению баня будет готова, – правитель замолчал. Однако немного погодя с беспокойством в голосе спросил, – сынок, а тебе не кажется, что Любава вроде, как приболела?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.